

ЛЮДМИЛА ДЕГТЯРЬ

Грозный — Василий Блаженный

ИСТИНА-ВЕСТЬ

Людмила Дегтярь

**Грозный – Василий
Блаженный. Истина-весть**

«Издательские решения»

Дегтярь Л.

Грозный – Василий Блаженный. Истина-весть / Л. Дегтярь —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507747-9

Лавинодавящая клевета легла на государя Иоанна Грозного и, к сожалению, русские историки и литераторы не оправдывали великого государя, а потакали лжецам. В сиротские годы детства Иоанна Васильевича, к счастью, восторжествовала природная доброта и мальчик не стал злонравным, к чему подталкивали жесткие условия жизни. Все устремления Иоанна Грозного были направлены на то, чтобы Россия стала судьбоносной державой для всего мира (весть).

ISBN 978-5-00-507747-9

© Дегтярь Л.
© Издательские решения

Содержание

Людмила Дегтярь	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ХАН ИВАН И МЕСТЬ ШУЙСКИХ	11
АНАСТАСИЯ ЕДИНСТВЕННАЯ	12
ПУТИН – скрытая ветвь ДРЕВА ГРОЗНОГО	13
ПОДОПЛЕКА СМУТЫ	14
ОБДЕЛЕННЫЕ	15
АХ, ТЫ МОЙ КОНЯШКА!	27
МЕСТЬ ЛУКЕРЬИ	32
ВЗБУЧКА	47
ВЕЛИКИЙ ОТЕЦ ОТРАВЛЕН	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Грозный – Василий Блаженный Истина-весть

Людмила Дегтярь

© Людмила Дегтярь, 2019

ISBN 978-5-0050-7747-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Людмила Дегтярь

ГРОЗНЫЙ —ВАСИЛИЙ БЛАЖЕННЫЙ

**ИСТИНА-ВЕСТЬ из ЛЕТОПИСИ НЕБА:
«О ГЕРОИКЕ СЛОВЕН»**

ХАН ИВАН И МЕСТЬ ШУЙСКИХ

Книга первая

**Достоверный исторический роман о юных годах Иоанна Грозного в числах
и датах**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лавинодавящая клевета легла на государя Иоанна Васильевича и, к сожалению, русские историки и литераторы не оправдывали царя, а потакали лжецам (весть).

В сиротские годы детства Ивана Грозного, к счастью, восторжествовала природная доброта, и мальчик не стал злонравным, к чему подталкивали жесткие условия обхождения с юным государем (весть).

Все устремления Иоанна Васильевича были направлены на то, чтобы Россия стала судьбоносной державой для всего мира (весть).

Раздвоенностью личности, злонравием, страстью к истязаниям, жестокостью, мстительностью, элементами дикой злобной шизофрении он не страдал – это сочинения и фантазии его врагов (весть).

Каким был на самом деле Иоанн Грозный?

Прежде всего, нужно сказать, что жизненный путь Иоанна Васильевича и годы правления (при фальсификации истории Древней Руси немецкими академиками, вмешательстве католиков и враждебно-настроенных бояр, сочинительстве Екатерины Второй) грубо изменены.

В первое десятилетие правления царя его здоровье было подорвано чрезмерным перенапряжением, и он не мог управлять державой. У Иоанна Васильевича отнимались ноги, и он долго лежал. А чуть поправившись, отправился по храмам и монастырям. В этот период у него открылся Божий дар «юродивого».

В период отхода Грозного от власти, на управление державой был венчан старший сын Иоанна Васильевича и правил опекунский совет. Но государь в тот период все же восстановил здоровье и вернулся к правлению. Иоанн Васильевич успел сделать для России очень много.

В вымышленной истории Древней Руси, в период царствования Иоанна Четвертого, лже-сочинителями было вмещено фактическое правление нескольких правителей.

Иоанна Грозного не стало значительно раньше указанного историками срока. Его отравила, по указке католиков, женщина-служанка (весть).

Память народная отметила и сохранила Иоанна Грозного, как Ивана Божьего человека: Василия (царь) Блаженного, почитанием Святого храма имени Василия Блаженного.

Не вызывает ли сомнение, что фактически храм СЕМИ БОГОВ: первородителей древних айриев, руссов-словен (храм Василия Блаженного), главный храм Русского государства – был посвящен неизвестному простому человеку, хоть и блаженному?! Ведь таковых на Руси было немало. Широкой дорогой прошли по русской земле молельники-страдальцы. Такого нет ни в одном государстве мира! Высочайшая духовность отмечена только на русской земле.

Несомненно, этот великий храм (Василия Блаженного) могли назвать именем весьма значимого, для Русского государства, человека.

В XV – XVI вв. не принято было писать портретов на живых людей. Самым достоверным изображением Иоанна Грозного является Копенгагенский портрет-икона, которая хранится в королевском архиве Дании.

Подумайте, могли ли писать икону с человека, обуянного жестокосердием? На иконах обычно изображают лики святых. Это также является подтверждением исторической клеветы на Великого государя России.

Ссылаясь на лживые толки, наговоры, лжеисторические материалы, прилепленное царю прозвище «Грозный», историки уличили Иоанна Васильевича в неоправданной жестокости, в истязаниях подчиненных, в якобы произведенных им многочисленных казнях.

Напротив, прозвище «Грозный» отрицает в характере царя злонравие, человеконенавистничество и склонность к злодеяниям.

Исследуем значение слова «Грозный», ведь наш народ меток в наблюдательности и отмечен остротой слов, подмечая суть характера человека.

Слово «ГРОЗНЫЙ» происходит от существительного «ГРОЗА», других вариантов нет. Чем является гроза? Гроза несет весеннее обновление и возрождение.

Набежав грозной тучей, прогремев и просверкав молниями, гроза приносит теплый проливной дождь, неся почве необходимое питание, пробуждая от зимней спячки природу, готовую наполнить мир возрождающей жизнью.

Молния пугает, но редко кого разит. Посему «Грозный»: пробуждение, обновление жизни, начало нового периода.

Коль Иоанн Васильевич приобрел бы за годы правления прозвище: Лютый, Свирепый, Кровопиец, Каратель, Убивец, Душитель, Душегуб, Вешальник, Жестокосердный и т. д. – тогда, действительно, можно было говорить о жестоком нраве царя.

В зрелом возрасте в характере царя проявились жгучесть и властность. Они выражались в строгости к подчиненным, в требовании непреклонного исполнения царских распоряжений и Указов (весть).

Современные ученые, ссылаясь на клевету о Грозном, дали отрицательную оценку деятельности государя Иоанна Васильевича.

А по оценке идущей Свыше, деятельность государя Руси Иоанна Васильевича расценивается следующим образом (весть):

В РАЗВИТИИ И СТАНОВЛЕНИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ОТМЕЧЕНО ТРИ ОСНОВНЫХ ЭТАПА:

1-ый период:

После катастрофического наводнения 69-ого года н. э. уже с 70-ых годов на Руси проводилось восстановление порушенных земель. С этого периода НЕПОЛ ДРОБИЙ (выходец из Руси, из Причерноморья) осваивал пути Вязьмы, после чего направился на земли разрушенной пожаром Москвы и восстановил городище: Москву.

Непол Дробий настоял, в сложившейся после катастрофического наводнения 69-го года н. э. ситуации по Руси, на создании ханств (до того в едином словенском мегаполисе существовали республики). Предполагалось, что крепкие хозяйско-промышленные русские ханства, как центры управления, организованности, развитости и культуры, должны были за более короткий промежуток времени поднять порушенную наводнением Русь.

(«Ха-ан» древнесловенское слово: подчинение пешего, простого – центральному, главному).

В 120-ом году н. э. Непол Дробий СОЗДАЛ МОСКОВСКОЕ ХАНСТВО. МОСКВЕ – 1900 лет! Значение Москвы: «ПОЛЕТ».

Постепенно было создано 18 русских ханств. Впоследствии конкретно в Московское ханство вошло до 20 народностей средней полосы, включая всю Прибалтику и север («Ильменские словене» и т. д.).

По традиционной версии истории Древней Руси «Ильменские словене» входили в Новгородскую Русь. Новгородской Руси не было. Была самостоятельная Новгородская республика (настоящий Ярославль), ограниченная своей территорией.

Современный настоящий Новгород (на Волхове) известен с XVI века, как небольшое военизированное поселение без имени: «Околоток». Переименование поселения в «Новгород» произошло при составлении версии вымышленной истории Древней Руси немецкими академиками (со ссылкой на лжепоявление Рурика из Германии). Истинный древний русский Новгород – настоящий Ярослав.

2-ой период:

VI – VII вв. Р. Х. в период правления кагана РУРИКА (547-ой – 668-ой гг. н. э.) произошло объединение Руси в ИМПЕРИЮ, в ВЕЛИКУЮ РУСЬ (из 12 русских ханств). Не вошедшие в союз ханства остались Малой Русью, просто Русью.

МОСКВА была Матерью русских городов, Первопрестольной. При кагане Рурике на Руси возведено множество градов-крепостей, построен крупный торговый порт в Тамани: «Таматарха» (по традиционной версии истории Древней Руси: «Тмутаракань»), также Новый Новгород в Крыму и др.

С VI в. н. э. на Руси существовала ИМПЕРИЯ.

В 665-ом году н. э. при передаче правления над Русью от кагана Рурика его сыну кагану Руслану-Олегу был перенесен главный град Руси из Москвы в городок РИМ (первое имя Киева). В период правления Рурика Русь называлась Русланью, не «Русколанью». (Такого имени никогда на Руси не было). Единственный сын Рурика был назван именем государства: РУСЛАН (Руслань).

В том же году городок «РИМ» был переименован в град «КИЕВ» в честь внука Руслана (Олега), правнука кагана Рурика – десятилетнего Кия.

Каган Рурик носил имена: Аигр, Рубен, Рурик, Аттила (приверженец бойцовской традиции), Вешен Могушественный. Рурик – сын Московского хана Даурия Нхабея, словенина, выходца из Руси.

Каган Рурик правил Русью 83 года. Фактическое захоронение Рурика – это «Аскольдово захоронение» в Киеве.

3-ий период:

В XVI веке, благодаря усилиям государя Иоанна Васильевича Грозного, при сильной центральной власти, на Руси произошли следующие изменения: после 300-летней католической колонизации (по традиционной версии истории Древней Руси: татаро-монгольское иго) России удалось из удельных раздробленных русских ханств, слиться в единую могучую державу, став весомым русским царством с регулярной армией.

Важнейшим делом для Руси стало, произведенное Иоанном Васильевичем, упорядочение церковных правил (Стоглав). Немаловажным явилось проведение государственных реформ. Правовые документы для регулирования управлением державы, созданные Иоанном Васильевичем Грозным, функционируют до сих пор.

Усилиями Иоанна Грозного были разрушены сильные Казанское и Астраханское ханства, продвинулась граница на Запад. Русь освободилась от набегов булгар, татар и других налетчиков.

Развивались просвещение и торговля. Произошел геополитический прорыв Руси на Восток. Именно при Иоанне Васильевиче Русь обрела прежнее величие и могущество (**весть**).

При Грозном возведено много храмов и монастырей, как и храм СЕМИ БОГОВ (храм Василия Блаженного). Иоанн Васильевич посвятил этот храм Первородителям словенского народа. В куполах храма государь выразил СЕМЬ «ХОЛМОВ», СЕМЬ СИЛ: это СЕМЬ БОГОВ-ПЕРВОРОДИТЕЛЕЙ АЙРИЕВ ПРАРУСОВ-СЛОВЕН, от семени которых родились айрии (правильно: «айрии»).

Запомните имена Первородителей-Богов прарусов-словен-айриев и поклонитесь им:

АЗМ, АКТИВ, АЛХАДОК, АРЖУНА, АРОВЕН, АТТИЛА (что означает приверженец бойцовской традиции), АХИЛЛЕС (весть).

Словене, вот чья кровь течет в ваших венах!

Во время строительства храма СЕМИ БОГОВ (Собор Василия Блаженного) недругами Ивана Грозного были ослеплены создатели храма: архитекторы. Один из них был итальянцем. Им залили смолой глаза. Историки приписали это злодеяние Иоанну Грозному (**весть**).

Но был еще Бог Гевс (не Зевс), от семени которого на берегу Атлантического озера (Черное море) пошли Азы-Аланы (ставшие саками, скелотами, скифами, черкассами, бродниками и т. д. – казаками).

Да, Азы-Аланы родились на берегах Атлантического озера. Буквально за несколько столетий республика Древняя Алания (Алатик) стала занимать обширную территорию от Дуная до Сибири, имея высочайшую цивилизацию, данную Богом. (Загадка «Атлантиды»! Это здесь, на Руси!)

Севернее Древней Алании (Алатик) была расположена Вендия – республика Айриев, со столицей на берегу настоящей Волги. Вендия продвинулась от Волги на Запад – до Западной Европы, на Восток – до Америки.

Подробно о горьком и великом пути русичей-словен по Земле, о происхождении русских людей, об образовании имени «Россия», «Русь» (имя родилось по воле Бога на НАШЕЙ ЗЕМЛЕ), а также о происхождении Земли и людей на планете – в моих книгах: Л. Дегтярь. Великая всемирная тайна. «Земля русская». Первая и вторая книги.

В книгах множество сказов-притчей, вскрывающих изюминки некоторых русских правителей, а также дающих мудрые советы-подсказки: чего ждет Живой Бог от земных детей, на каких примерах стоит учиться жизни.

«ГРОЗНЫЙ – БЛАЖЕННЫЙ ВАСИЛИЙ» – трилогия.

Первая книга:

ХАН ИВАН И МЕСТЬ ШУЙСКИХ

Вторая книга:

АНАСТАСИЯ ЕДИНСТВЕННАЯ

Третья книга:

ПУТИН – скрытая ветвь ДРЕВА ГРОЗНОГО

В шестнадцатом веке н. э. факты подмен детей были обычным явлением.

При проведении обряда крещения новорожденного ребенка, сына Ивана Четвертого и Анастасии Романовой, в домашней церкви Великоханского терема в Москве «мамкой-челядинкой» был подменен новорожденный мальчик Федор на другого – внука няньки.

Мальчик из царской семьи попал в семью Висковатого **(весть)**.

А царь Федор, как известно, не справлялся с правлением государством: неуверенный в себе, богобоязнен «постник» и молчальник царь Федор больше подходил для уединенной монашеской жизни, нежели для управления царством.

Поэтому по решению Думы был назначен при царе регентский совет из четырех бояр: Богдана Бельского, Никиты Романова, Ивана Мстиславского и Ивана Шуйского.

Случившееся произошло по поущению Живого Бога, чтобы сохранить для будущей России крепкую родовую династию Руриковичей (весть).

ПОДОПЛЕКА СМУТЫ

Первая часть

1533-ый год. МОСКОВИЯ. По случаю неожиданной хвори Великого хана Руси Василия Третьего – в начале декабря 1533-го года – в крестовой палате Кремля священники бдели всю ночь, вымаливая у Господа Бога и Божьей Матушки поправку государю. Молебны о здравии Великого хана возносились во всех храмах, монастырях и церквях Московии, однако самочувствие Василия Иоанновича не улучшалось. И тому была причина...

ОБДЕЛЕННЫЕ

А незадолго до хвори Великого хана, в семье Василия Васильевича Шуйского, идущего по дальнему роду кагана Рурика, между супругами выплеснулся давно назревший скандал.

Казалось, не могло быть связи между хворью государя Василия и семьей Шуйских. (Так считают современники, основываясь на далекой от истины традиционной версии истории Древней Руси). Однако связь была и весьма тесная.

Да и разразившийся в доме Василия Васильевича Шуйского, тридцатипятилетнего дородного и величавого мужа, с внешностью, отмеченной прямым носом и темными жгучими глазами, скандал промеж супругами имел косвенную связь с государем Василием. И каким образом все это касалось Великого хана?

Дело то было не ахти каким, а обыденным, житейским; и уже потом старательно укрывалось, так как касалось весьма знатных особ. Однако выплывало всякий раз, чуть разговор касался государя Василия Иоанновича и Шуйских.

Как ни крути, а **дело** то продолжительное время будоражило Москву пересудами и толками, да и не забывалось, не гасло в суматошной жизни Первопрестольной, как обычно случалось.

Зародившись огоньком, то **дело** раздулось, распалилось, обратившись вдруг в жгучий пожар. Житейское **дело** обратилось в пожирающе-алчный, ненасытно-горький, в кровавый террор, перерастая в смуту...

Да. Житейское **дело** обернулось государственным переполохом и кровавой сумятицей, **смутой на Руси**. И та смута будоражила Матушку Россию восемьдесят лет (**весть**).

И что же это за **дельце**, которому оказалось по силушке повернуть Матушку Россию, плавнодвигающуюся к расцвету, к стабильности – от порядка и уравновешенности – к раздору и разрухе?

И впрямь трудно поверить! Отмеченное раздорами и изменой, кровавыми захватами власти, жестокими карами, невинными казнями, грабежами личного и государственного имущества, **смутное время на Руси имело любовную подоплеку: неудачную любовную интрижку государя Василия Третьего и кузины братьев Шуйских – красавицы Авдотьи (весть)**.

Проследим же истоки смуты. Совестно было сознаваться ханам старинного русского рода Руриков – братьям Шуйским: Василию Васильевичу и Ивану Васильевичу кому бы то ни было, что они пребывали в большой нужде, будучи обделенными в наследии богатым дедом ханом Шуйским.

И с чего это строгий дед-Шуйский взъерепенился? Чем не угодили дорогие внуки богатейшему человеку Московии, что теперь оторваны от жирных угодий, от лакомого стола, от почестей? Это как же надо было досадить дедуше Шуйскому, что он отказался от кровных внуков?!

Оказывается не любезные внуки Иван да Василий стали не угодны деду! А родной батюшка Василия и Ивана, сын старого Шуйского – Василий – совершил измену родичам, невероятно сподличав! И за то ему было отказано в законном наследстве.

Вот и довольствовались теперь Иван и Василий Шуйские постыдными крохами. Не сытая жизнь досталась молодцам, как подобалась, а невзрачное прозябание: хилая жидкая вотчина из нескольких деревушек да в Москве ветхий родительский терем с тесным двором на две семьи.

Ох, уж как лютовал Василий Васильевич Шуйский, ознакомившись с отказным документом о наследстве! Он долго не мог смириться с бедственным положением, оказавшись вдруг обделенным и отверженным от богатства! Его нутро бунтовало и требовало достатка.

Обладая живым умом и верткостью, Василий Васильевич Шуйский выискивал, на чем разбогатеть. Он попытал счастья в купеческом обществе, в откупщиках, да не совсем удачно! Берясь то за одно дело, то за другое, меж тем пробился в Думу. И не найдя ничего лучшего, женился на дочери богатого боярина – Дарье Алексеевне. Взбодрился, зажил широко, но не долго.

Добротное приданное женоушки не обратилось в доход, в прибыль, а быстро улетучилось, проскользнув незаметно меж щегольскими пальцами Василия как песок, не задержавшись ни на кроху. Спыхватился, ахнул, да поздно! Жизнь оскудела. Дарье Алексеевне были срочно урезаны расходы. И посему время от времени между супругами вспыхивали мелкие ссоры, не доходя до большого разлада.

И ноне забудоражило женоушку, подмывавшую с прошлого вечера на очередной скандал. Приметив то, Василий Васильевич метнулся поискать занятие по душе, чтобы не распалить себе душу. Нашел. Кстати доставили заказанные им наконечники. А тут и началось!

Дарья Алексеевна вдруг открыла с шумом массивный сундук и обратилась к своим нарядам, требуя от мужа обновок.

Жена Василия Васильевича – дородная миловидная словенка, была возрастом младше него. Ее лицу придавала благородность коса, уложенная на голове веночком, чуть прикрытая нынче легким капором. Женщина не отличалась большим умом, но была бойкой и общительной молодницей и считалась в своем кругу хорошенькой. Зная свою привлекательность, Дарья Алексеевна, можно сказать, верховодила мужем. Однако Василий, занятый нынче своими мыслями, не вслушивался в ее причитания.

– Хм! Куда жога сия юбка?! Разве обвязывать кадушку с квашней, не более!

Кидь! Синяя новесенькая юбка из чистой шерсти с рюшами отлетела в сторону и надулась парашютом: хлоп! Хлоп!

– И ета от девичества! – пыхнула Даша и зеленая кашемировая юбка, почти не ношенная, тут же выпорхнула из рук.

– Рыжий, не лезь под руку! Брысь! – недовольничая, Василий шугнул кота.

– Ох-ох! Стыдобище, а не сарафан! – продолжилась ревизия вещей. Пару раз одеванный сарафан из дорогой бархатной ткани улетел следом за юбкой.

– А-а-а... В зевоту клонит... С чего бы это? – раззевался Василий.

– Все до одной одежды давнишние! – молодница метала добротные наряды из сундука.

– Эх-ма! Когда погода устоится? – посетовал муж, ни единой клеткой нерва не реагируя на претензии жены.

– Вась! Ты взгляни! Взгляни! – позвала Даша, пытаясь оторвать мужа от его занятий. Однако не последовало никакой реакции.

– А-а-а-а... Так и тянет рот на зевоту... Поди, на непогоду...

– Ох, ох, ох! А ся кофтенка мне вовсе не личит! Ха-ха! Ета юбка вообще маменькина, – звонко увещала Даша. – О! А сей сарафан уж и не помню, с каких годов!

Добротные одежды, вихляясь пестрыми птицами, разлетались по всей горнице. Сама же Даша была в простом сарафане и льняной вышитой рубахе с подкаченными рукавами, оголившими красивые справные руки.

«О-о-ох, баба! До чего же ты несносна, – кипел в душе Василий, не проявляя внешнего недовольства. – Доняла уж, доняла! Так и норовит до нутра достать!»

Умостившись на лавке, позевывая, Шуйский сосредоточенно пересматривал наконечники и аккуратно укладывал стрелы в колчан, отгородившись молчанием от «бзиков» жены.

У него под боком уютно разместился дремлющий рыжий кот, задремавший от жары кверху лапки. На столе пузырился кувшин с узваром из разной сушки.

– Порядок... Стрел к сезону в достатке. Наладить бы самострел... Тогда и... охота буде, – удовлетворенно пробормотал Василий.

– Божечки! Дожилась боярская дочка! В сих нарядах совестно показаться в церкви на людях! Поди, следует раздать тряпки дворовым девкам, да идти кланяться родному батюшке...

– Вот те, на! Навострился... барин в лес! А гончих псов подкупить!? – всколыхнулся Шуйский. – У кого же... У кого...

– Не откажет же батюшка родной дочери... на новый наряд! Кинусь в ножки! – пытаюсь задеть Шуйского, твердила Даша.

Сопровождая разлетавшиеся наряды острыми словечками, молодница колко посматривала на мужа, но тот, как ни слышал! Даша надула губки и закопалась в сундуке, заворошив новую партию нарядов.

– Пожалуй, псы ценятся у Кляпова... Угу... Точно, у него!

– Стыдобушка, в чем хожу! Как есть, неприглядны одежки! А вязаные юбки и фуфайки куда годятся? Глядеть не на что! В нищенки обернулась у родного муженька!

– Пожалуй, следует заказать еще стрел, – размышляя о своем, невозмутимо прошамкал Василий.

– Толстокожий! Ничем не пронять! – дерзко глянув на мужа, со стоном вылетело у Даши. А Василий, как не слышал! Время от времени Шуйский наливал в деревянный ковшик узвар и упоенно смаковал.

– Дарь... юш... ка, – опустошив ковш, промычал он, отдуваясь. – Вели бабам в другораз добавить в узвар больше груш дички.

– Ишь, чего схотел! В другораз и сего не будет – вышла вся сушка! Не больно проворны твои работники, жидки поставки из деревни!

– Один раз жи-и-идко, в другораз – как бы и...

– Уж холода на носу, а у нас в амбаре токмо мышам простор! – посетовала Дарья. – Да и мышки повымрут от голода! Василий, известно тебе, скоро ль селяне доставят продукты?! – колко запытала Даша, пытаюсь донять мужа.

– Доставят... Тебя то не касаемо, – недовольно проворчал Шуйский, сердито зыркнув на жену.

– А что меня касаемо?! – взвизгнула Дарья, упершись взглядом в неподвижную спину мужа. Подернув плечом, Василий пропустил возглас жены «мимо ушей». Более того, добродушно обратившись к Даше, осадил ее пыл:

– Ох, душенька, у меня чуйка! В сем году удастся охота. Отведем с Иваном душу! – весело подмигнув Дарье, крикнул он.

Дарья удивленно посмотрела на него и обидчиво шмыгнула носом: не зацепить! Василий же продолжил изучение наконечников:

– Кх... Мастерская работа! – со знанием дела бормотал он.

– Поди, таковой остроты мало кто откует...

– Все раздам! До нижней рубахи!! В нищенки пойду! – запальчиво выплеснула молодая женщина. – Вася, не спросясь тебя, все раздам!

А сама – швырь! Швырь! Швырь, чтобы ненароком угодить по муженьку.

– Раздавай... Мне како дело, – отстраняясь, хмыкнул Василий Шуйский, двинув плечами. – Сарафаны... какие-то... Нашла о чем... баять, – ерзясь, недовольно пробормотал он себе под нос. – Наконечники, само собой, отменные...

– Вот те, на! Мужу нет до того дела?! – вспыхнула Даша, разгибаясь. Она уперла руки в бока. – А кому, как ни тебе, придется справлять новое?! – неприятно запищала она.

Не дождавшись ответа, опалила равнодушную спину мужа гневным взглядом и вновь обратилась к сундуку.

– Баракло! Старье! Сему сарафану сто лет в обед!! – более того распалилась молодлица.

Красочно расшитый почти новый сарафан тут же выпорхнул из ее рук и приземлился Шуйскому на плечи. Он раздраженно сбросил его на пол.

– Вот нелегкая взяла! Впрямь, допекла! Дарья, угомонись! – рыкнул Шуйский.

– Я токмо приступила к нарядам! – последовал резонный ответ.

– От вчерашнего вечера и доси, у тебя называется «токмо»!

Дарья не нашла, что ответить и продолжила ревизию вещей:

– Надоело в одном и том же ходить! Так... Так... Хм! В эту кофтенку уж и не втиснуться: шита на семнадцатом году, – не унималась молодлица. – А ета фуфайка ишо от маменьки! – с гонором выплеснула Даша, поглядывая на мужа. Однако Василий Васильевич оставался непроницаемым.

В горнице было жарко натоплено, от изразцовой печурки в воздухе витал слабый угар. Дарья Алексеевна покраснелась: ее щеки были пунцовой спелой вишни. И Василию было жарко. Под рукавами его рубахи темнели влажные круги. Вытирая капельки пота со лба, он то и дело прихлебывал узвар. Видя, что мужа не пронять тряпками, Даша пошла в открытое «наступление»: сноровисто приблизившись к мужу, завела иную речь.

Приблизив распалившееся лицо, супруга гневно возопила:

– Слышь, Вася, коль батюшка знал бы, что ты не купишь жене новую приличную юбку, не отдал бы за тебя! – на высоких тонах заверещала Дарья. – Ить и сарафаны, и юбки сшиты ишо в девичестве!

Василий Васильевич оторвался от стрел и тяжело посмотрел на жену, насуплено сдвинув брови.

– Сударыня! Коли б я ведал, что твое приданое – тьфу! Хутора все как есть захудалые да разграбленные, не брал бы тебя, – спокойно отпарировал молодец. – Все заброшены!

Дарья Алексеевна выпрямилась. Жар бросился ей в голову, обратив и без того пунцовое лицо в сущий свекольный цвет.

– Разграбленные?! Вася, тако, что ж ты их не поднявши? Где денежки?! – вспыхнув, затараторила она, колюче вперившись в мужа.

– Ето... которые? – невозмутимо поинтересовался он, заюлив лисой глазами.

– Ты ишо спрашиваешь?! Отвечай, куда подевались гроши? Мое приданое! Золото и серебро, выделенное моим батюшкой на восстановление хуторов? – скандально запричитала Дарья, ожидая, наконец, признания.

– Хм! Там денег было – кот наплакал! – не задумавшись, деловито бросил Шуйский, метнув на жену скорый уничтожающий взгляд. – Как было договорено, все вложено в мою вотчину!

– В какую, такую? – распалилась Дарья. – Где та вотчина? А?! Захудалое поместье?! – не дождавшись ответа, она вновь накинулась на мужа. – Слышь, Вася! Что-то я ничегошеньки не пойму! До венчания мы были наслышаны о владениях ханов Шуйских; по Москве только и разговоров ходило – токмо о том! Оно и известно: ишо твой прадед и дед славились землями! – скороговоркой затарахтела супруга.

– Славились... Что с того...

– Тако, где те уделы?! – не отрывая взгляда от мужа, допытывалась Дарья, пристально следя за выражением его лица. – Теперя не видано и не слыхано о таковых!

Багровея, Шуйский киданул на стол колчан со стрелами.

– Завелась! Не твое бабье дело толковать о том! – Василий выкатил на нее злой взор.

Даша невольно отпрянула, но решила не отступать.

– И то! Мое дело постные щи хлебать, – вылила обиду супруга. – Да тереться бок о бок с семьей твоего брата Ивана! Того и гляди, его дети начнут шастать по нашим горницам да шнырять по моим сундукам! – визжала она, потрясывая перед Василием своей рубахой. – Где твои земли?! Где хутора?! – истерично вопила Дарья Алексеевна.

– Хм! Тебе тут мало места? – огрызнулся Шуйский.

– Мало! Я жалаю жить в своем терему и в своем поместье! – заявила она категорично. – Я дочь знатного боярина и привыкла к состоятельности и самостоятельности! – подчеркнула Даша горделиво. – Сказывай, где земли? Или вы с братом раздали все добро на милостыню? Так должны держать передо мной ответ!

Василий резко громыхнул кулаком по столу, раскидав стрелы. Неожиданный грохот испугал кота. Рыжий, смешно выгнув спину, дико подскочил и умчался в другую светелку.

– Молчи!! – возопил Шуйский. – Сказал, Дарья, не лезь!! Ишь, какой верх взяла! Наседает да наседает!! Гуторю, не твое бабье дело! Не суйся! – строго прикрикнул Василий на супругу.

Не ожидая грубого отпора мужа, Дарья Алексеевна растерялась. Осев на лавку, захлебнулась от слез. Торопливо выхватив из рукава расшитый платок, принялась вытирать слезы, брызнувшие из глаз.

Василий Шуйский, взглянув на жену, присмирел. Помолчал. Смутившись, поднялся, подошел, потоптался подле Дарьи, неловко коснулся ее головы, сконфуженно проронил:

– Даша... Ты ето... перестань, – он неловко заморгал глазами. – Не знаю, как... сорвался. Тако ты сама начала: где да где!?

– Са... ма... – умывалась Дарья слезами. – И почему я не должна сего знать? – все еще плача, причитала она. – Ведь голехонькие сидим! стыдно кому сознаться! Разве я не права? Только и считается, что ханского рода, а сами чуть ли не с протянутой рукой готовы побираться по миру!

– Права, – тяжело вздохнул Василий Васильевич и отправился на место.

– Сказывай, Вася! Куда подевались земли ханов Шуйских? – вновь привязалась она к мужу. – Мы ужо, как старцы дошли до крайности!

Василий Шуйский сморщился и заерзался, словно его куснули за большую мозоль. Ему не хотелось выставлять себя перед женой обделенным дедом и обезземеленным. Однако мельком взглянув на настропаленную Дарью, понял: от ответа не уйти и вяло промямлил:

– Како сказывать? Уж тако вышло... – нехотя обронил он.

– Не молчи! – с надрывом вырвалось у Дарьи. – Что случилось?! Гуторь! Или тебя за язык нужно тянуть?!

– То и случилось! – словно вскрывая наболевший нарыв, вдруг выплеснул он, не сдержавшись. – Все дедовы земли у тетушки Лукерьи!

Дарья Алексеевна, вытерев глаза и нос, недоуменно взвизгнула:

– Хм! Чего ж вы племянники-недотепы попали впросак?!

– А то спрашивали нас! – на нерве рубанул он. – Все у тетки! Все добро у Лукерьи!

– Отчего это, Васенька?

Шуйский неохотно махнул рукой.

– Сами не ведаем. Как в насмешку, – морщась, огорченно бросил он. – Дед прежде всяко-раз толковал, что поделит земли поровну меж моим батюшкой Василием и тетушкой Лукерьей. Вотчина у него была весьма крепка и обширна, – разоткровенничался Василий, – да возник какой-то нечаянный раздор между теткой и моим родителем. Как тама было на самом деле, мне не ведомо! Токмо неожиданно дед взял сторону дочери и выгнал моего батюшку, запретив домочадцам пускать его на порог. И тут же, сгоряча, отписал тетушке Лукерье все земли и все состояние, – с обидой выплеснул Шуйский. – Вскоре деда не стало.

Дарья Алексеевна, перестав плакать, внимательно вслушивалась в рассказ.

– Ах, вот оно что... – поразившись, Даша выпучила глаза. – А мой батюшка, понадеявшись на... Тако дело сладилось бы иначе!

– Понятно! Твой батюшка не отдал бы тебя за... голодранца, – горестно усмехнулся Шуйский.

– Ко мне наведывались свашки от состоятельных бояр. Да батюшка соблазнился...

– Выходе, просчитался твой батюшка! – жестко выпалил Василий. Помолчав, посетовал. – После ухода деда в нашем доме уже ничего не ладилось.

– Гляди, как повернулось, – прошептала Даша. – А что за раздор там приключился?

– Не ведомо мне. Токмо мой батюшка, а после него и мы с братом остались с вшивым кошельком, – впервые сознался Шуйский, оголив душу перед женой.

– Васюшка, а по тебе не сказать!

– Э-эх! Се в крови: форс держать! А на деле пришлось семье обходиться крохотным поместьем из нескольких деревушек, что тятка получил от Великого хана, да родительским теремом. Вот и все богатство. Ох, тяжело было... Последние годы кое-как сводили концы с концами, – изливал Василий Шуйский давнюю боль, словно двигал заржавевшие колеса. – Вскоре батюшка захворал и... остались с братом сиротами. Так и мыкаемся теперь с Иваном... бок о бок.

– Вот досада, – огорченно пролепетала Даша. Но ее вдруг осенило: – Погоди тужить! Вася, у тетки есть дети?

– Дочь. Токмо она в монастыре.

– Так се нам на руку! – засияв, воскликнула Даша.

– Такое скажешь...

– Васенька, коль у Лукерьи нет больше родни, вы с братом Иваном остаетесь наследниками! – обретя надежду, поспешно выпалила Дарья Алексеевна.

– Похоже, тако, – неопределенно хмыкнул Василий Васильевич.

Дарья Алексеевна, ласково улыбнувшись мужу, живо поднялась. И окинув взглядом разбросанные по горнице наряды, почти пропела:

– Ой, Васенька, что се нашло на меня, сама не ведаю! – непринужденно всплеснула Даша руками. – И чего ето я разбушевалась?! Можно подумать, не в чем стать перед мужем! Тута хватит нарядов и для дочек, и для внучек! – радостно сообщила она, метнувшись к тряпкам. Однако приостановилась.

– Вася, судачат: бабий ум короткий! Однако выслушай, худого не посоветую, – молодца скорым шагом подошла, присела на лавку, да сама стала, лаская, поглаживать муженька по плечу. – Васенька, голубчик, коль тетушка живет одна, поди, ей скучно. – ласково защебетала Даша. – Кто утешит, кто скрасит старость? Пожилому человеку дорого внимание и забота!

– Нашла о чем баять! – отпрянул Василий. – Как подойду? С каким лицом покажусь? Батюшка гуторил: Лукерья наказывала не пущать нас на порог и дорогу заказала Шуйским наведываться до нее!

– О-о-о-х! Страсти какие! Забудь, Васенька! Ты-то не обижал тетушку! Какой с тебя спрос? Стань лисичкой, подлащись до Лукерьи, задобри ее. Авось и забудет старые обиды! Чует мое сердце, у тебя все сладится!

Василий Шуйский с удивлением взглянул на Дарью Алексеевну, словно увидел ее впервые.

– Эко, завела... – проронил он неуверенно.

– Любое сердце отходчиво на добро, – увещала Дарья. – Уж, кому-кому, а мне ведомо: ты горазд молвить теплое словцо!

– Дарья, нашла с чем сравнить! С бабами ладить – простецкое дело! А растопить тетушкину ледяную глыбу – се мне не по плечу!

– По плечу! По плечу! – пустилась молодлица в уговоры. Видя неуверенность мужа, распалилась сама: – Вася, коль надо, я поеду с тобой. В ножки кинусь! Поди, спина не переломится!

Василий тяжело выдохнул скопившуюся в груди тяжесть, пытаясь нащупать в своей душе зацепку на примирение с тетушкой, однако одернул прыть жены:

– погоди, Дарья, не суетись...

– Ну-те, увалень! Васенька, не медли! – ласково щебетала Даша, нетерпеливо теребя рукав мужа.

– Хм... Раскинуть нужно мозгами, – неуверенно протянул он, вдруг принявшись отступать какой-то марш по столу.

– Ах, ты! Как же неповоротлив! Помолись у иконки да сразу и езжай! – прилипла Даша к нему, как банный лист. – Вот и все «раздумье»! Бог управит!

В душе Шуйского промелькнула слабая искорка надежды, и он ухватился за нее как за прочный канат, перебираясь в обнадеживающую лагуну.

– Дело баешь, сударыня, – благодарно улыбнулся Шуйский.

– Вот и езжай с Богом! Утряси ваши дела!

– Утрясу... погода, – вдруг смутившись, недовольно изрек Василий Васильевич. – Иди, иди, займись делами!

Проясив тайну семейных неурядиц, Даша суматошно выискивала пути к исправлению. По ее оживленному лицу всполошенной наседкой заскользила сумятица чувств. Дождаться, пока муж осмелится дерзнуть на примирение с теткой она не могла и надела на мужа, не отступая. Увидев, что Василий набычился, отступила, но ненадолго. Набравшись храбрости, вновь лилейно затараторила:

– Вася, послушай, ноне поезжай к тетке, – не отступала молодлица. – А-а! Мне же сон давеча привиделся: курка в лукошко снесла враз десяток яиц.

– Се к слезам, – отстранился Шуйский. – Нарюмалась нынче... вот и... сон...

– Не-е-етушки! Я сверялась по Соннику – се большой прибыток! Сон в руку! Езжай! – пристала Дарья. – Не оставляй на авось! Мало ли что, – настойчиво наседала молодлица.

Всколыхнув старую рану, Василий Шуйский насупился и вновь принялся сосредоточенно пересматривать стрелы.

Дарья Алексеевна, не дождавшись ответа мужа, тихонько поднялась с лавки и занялась вещами, аккуратно складывая их в сундук, изредка поглядывая на Шуйского. Забывшись, тихонько завела песню:

Плыла павушкой к кринице,
А навстречу мил-дружок:
– Поцелуй меня, девица,
Подарю тебе платок!
Сколько дней о том мечтала,
Закраснелась, как букет.
А сердечко трепетало:
Не открою свой секрет.
– Поднесу злато колечко! —
Толковал милой дружок.
– Твой подарок без словечка,
Как без цветиков лужок!
– Не угодны те подарки —
Видно, царский ждешь венец!
Тихо молвила: «Слов жарких
И признаний жду, купец!»

– Ох, лебедушка-девица,
Сладки сахарны уста!
Распалила страсть жар-птицей,
За любовь товар отдам!
– Нет цены девичьим ласкам, —
прошептал тут ветерок.
– Златом-серебром напрасно
за любовь завел ты торг!
– Не губи, краса, отказом,
Для меня ты краше зорь!
Дева тихо тут созналась:
Любит парня с давних пор!

Внизу гулко стукнуло, продолжительно заскрипев входной рассохшейся дверью. Послышались тяжелые шаги по лестнице, шарканье перед входом и в светелку ввалился Иван Шуйский, втиснувшись в низкий проем двери. Он, как и брат, отличался богатырским сложением.

Рыжая пышная борода, крупноватые улыбочивые губы, налитые щеки Ивана предполагали добродушие и мягкотелость, но плутоватые глаза говорили о притворно-обманчивой внешности: внутри поживал невиданный сквалыга.

– Родичи, будьте здоровы! – пророкотал он, удивленно осматривая горницу с разбросанными вещами.

– И тебе того же, – недовольно взглянув на брата, сухо ответил Василий.

Меж собой братья были близки, хотя обычно старший Иван уступал младшему Василию, как более сообразительному и находчивому.

– Браток, что за свара тута? – удивленно вопроосил Иван Васильевич, пристально посматривая то на брата, то на невестку.

– Да не... Все ладно: по-доброму, по-семейному, – отнекался Василий.

– Хм! Коль по-доброму, отчего «на нерве?»

– Тебе почудилось, – блеснув очами откровенно-красноречиво на брата, Василий подчеркнул, что тот явился некстати.

– А-а-а... Понятно... А ежели как на духу, чаго не поделили?

– Говорю, все тихо, мирно!

– Хм... На слух вродесь не жалуясь! – насмешливо бросил Иван, поведя плечом: «Не хошь говорить, не больно надо!»

Не ожидая приглашения, Иван примостился на лавке.

Последив за занятием Василия, старший брат перевел взгляд на раскиданные одежды.

– О! Гляди-ко! Не знал, что у Дарьи Лексеевны столько одежи, – завистливо изрек Иван, мечась зорким взглядом по добротным вещам. – Пряма-таки, загляденье! Невестка, чего устроила переполох?

– Да так... От нечего делать пересматриваю тряпки, – нехотя бросила Дарья, пряча покрасневшие от слез глаза.

Иван Шуйский был жаден до невозможности. И, не скрывая, придирчиво осматривал богатые наряды молодежи, пожирая одежды загоревшимся алчным огнем.

Обычно Иван чуял выгоду носом, как собака дичь! И не гнушался заполучить нечаянный прибыток в дом, коль он доставался легко. Даже из-за мелочей, не смущаясь, горланисто ввязывался в свору, будь то боярин или смерд. В такие минуты его глаза, и без того большие, выпячивались, белки наливались, от носа под щеками прорезались резкие складки. Распалившись, как самовар, преображался в безобразного мужичка.

Иван ухватил пятерней несколько стрел, принявшись внимательно их осматривать.

– Знатные наконечники! Чья работа?

– Ездил до князя Свиридова... Ефим-кузнец... кует...

– Гожие! – причмокнул Иван языком. И тут же, вновь скосив глаза на Дарью, поинтересовался: – Дарья Алексеевна, наряды-то, поди, на торжище готовишь? Али как?

– Еще чего?! Из чего выросла, собиралась... отдать девкам в людскую, – невесело пошутила Даша.

– Гляди-ко! Вещи добротные, – всколыхнулся Иван.

– Ты не разглядел, Ваня! Всяких полно: и добротных, и так себе, – отстранилась молодца.

Иван Васильевич рассеянно скользнул взглядом по горнице и цепким взглядом вперился в приглянувшиеся одежды.

– Алексеевна, а не жирно буде холопам? Выдели моим дочкам нарядов! – стал выпрашивать Иван и живо подхватил юбку и пару сарафанов. Оправдываясь, добавил: – Вымахали невесты! Все платья малы! А обрядить ноне двоих... ошутимо! Так я выберу, что тебе тесно?! – с надеждой запытал он.

– Ишь, губы раскатал! – налетела на него Дарья Алексеевна, проворно вырывая из его рук одежду. – Я ишо сама не родила деток! Авось пригодятся наряды моим дочкам!

Иван Шуйский, одарив Дарью презрительной усмешкой, перевел глаза на Василия. И негромко проронил:

– Вася, снизу уловил краем уха: тута вспоминали тетушку Лукерью...

Василий раздраженно зыркнул на него:

– Уловил?! Мы же не громко...

– Не громко? Бучу завели: на весь двор слышать!

– Ладно, будя! – оборвал Василий брата.

Иван наклонился к Василию и шепнул:

– Приспело... погугорить о тетушке.

Василий блеснул на брата напряженными глазами:

– Чего затевать сей разговор? Токмо теребить душу?! – буркнул он.

Иван тяжело вздохнул. Оглянувшись на Дарью Алексеевну, стараясь, чтобы невестка не услышала, тихо произнес:

– Дошли толки...

– Т-с-с! – резко одернул его Василий и, повернувшись к жене, окликнул:

– Дашенька! Слышь, голуба!

– Слышу, слышу!

– Уважь! Поднеси-ка из погреба бражки или медовухи! – распорядился Василий.

– Поднесу! – одарив мужа нежной улыбкой, Дарья проворно вышла.

– Теперя сказывай, – позволил Василий.

– Тута... ето... такое дело, – начал скомкано Иван и вдруг растерялся, боязливо взглянув на брата. – Вот что. Сказывал писарчук, он от дьяка... выведал...

Василий напрягся, в сердечке тревожно затинькало, навевая, что с не добрыми вестями прибыл брат.

– Не тяни! – жестко рубанул Василий. – Баешь, касаемо тетушки Лукерьи? Что за толки!?

– Касаемо. А больше всего нас с тобой! Тетка Лукерья собралась отписать земли в монастырь, – выпалил Иван.

Опешив, Василий Васильевич подскочил. Резко ухватив Ивана за плечи, потрянул.

– Чаго баешь?! – всполошившись, воскликнул он. – Се брехня!

Иван раздраженно оторвал от себя цепкие руки брата и обреченно плюхнулся на лавку.

– Не брехня! Ужо кликала монахов да велела дьяку готовить бумаги, – горестно проронил Иван, тяжело вздохнув. Он пересел на лавку ближе к печи и бросил несколько поленьев.

Прищурившись, Иван Васильевич уставился в яркое зеву печки. Огонь, торопливо мечась по дровишкам, жгучими языками пламени безжалостно обращал поленья в угли и пепел. Взгрустнулось. Так и затеянная Лукерьей суета, вдруг воспалившись, готова были проглотить их надежды на добро рода Шуйских.

– Эх-ма, как же палит нутро...

Во всю обожженная душа распахнулась, оголив неприкаянность и обугленность. Уже казавшееся своим, добро вновь объялось пламенем и вот, вот возметса огнем, уплывая в чужие руки. А братьям Шуйским оставалось только наблюдать, как вываливается из воза принадлежавшее их роду богатство, продолжая растекаться по чужим сундукам. А их судьбинушка: волочить дни горемыками на сумрачном тракте с убого-протянутой рукой.

– Неужель оставит нас... в сермяге?! – выплеснул Василий, потеряно взглянув на брата.

– Выходе, так, – горестно согласился Иван.

– Тьфу! Вражина, а не тетка! – взревел Василий. – Карает... карает племянников!

Вошла Дарья Алексеевна с глиняным кувшином и кружками. Поставила на стол. Сама занялась сбором одежды. Василий налил в кружки, протянул Ивану. Тот, прихлебывая, испил. Василий взял свою кружку, да так и застыл в задумчивости: «За какие грехи выпала житуха скудная?!»

Василий Васильевич жадно осушил. Посидел, скучившись. Вновь налил. Выпил. Не ощущая хмеля, еще раз выпил. В голове туманно поплыло, по нутру разлилось тепло. В сердце всколыхнулось жгучее пламя, докатываясь до горла. Запершило. В голове мелькнуло: «Эх-ма! Ни радости! Ни просвета!» Кто-то неумолимый вновь и вновь вырывал из рук давно ожидаемое огромное наследство. Нужно было что-то предпринимать! Но что?

Взглянув на брата, сидевшего на лавке с обреченным видом, Василий понял: брат не помощник в сем деле. И Василий Шуйский решил мчать до тетушки Лукерьи. Он еще не знал, что будет делать: валяться в ногах, слезно умоляя тетушку? Скандалить? Или... лилейно заискивать? Не знал. Но чуял нутром, нужно ехать, нужно спасти убогое положение.

– Иван, я его... занят ноне, – вдруг заторопившись, бросил Василий.

Проворно поднявшись, опрометью ринулся в другую горницу переоблачаться. Иван Васильевич, мельком взглянув брату вслед, сам поднялся. Потоптавшись на месте, понаблюдал за невесткой, как та аккуратно убирает вещи в сундук. Иван двинулся стремглав на выход, ухватив по пути пару юбок, кофту да сарафан. К его счастью Дарья Алексеевна того не приметила, а то бы... скандала не избежать!

Спустя время Василий Васильевич возвратился в горницу, переоблаченный до неузнаваемости. Он окинул взглядом комнату: убрано. Дарья заканчивала складывать вещи в сундук.

– Даст Бог, Дашенька, будут у тебя новые наряды, —неожиданно выпалил Василий.

Дарья поднялась, удивленно взглянув на мужа.

– Далеко ли собрался?

– Не ведомо ли тебе, Лексеевна, что жене негоже выпытывать о том мужа? – одернул ее строго.

Дарья согласно улыбнулась, но вдруг метнулась к Василию:

– Погоди! Непорядок у тебя!

Окинув нежным взглядом мужа, она старательно разгладила ворот на его кафтане. Он обнял ее.

– Иду, голуба, по весьма важному делу... Помолись за меня!

У младшего Шуйского с юности выработалось особое, щепетильно-обостренное отношение к своему внешнему виду: как-никак по роду хан! И таковых родовитых по Руси осталась горстка! И посему одежду носил самую добротную, хоть нынче и не по средствам. Белье покупал из тончайшего полотна, красочно расшитое. Кафтаны – шерстяные или бархатные хорошей работы или из заграничной ткани; как есть добротные, искусно украшенные золочеными шну-

рами. Штаны шил из хорошего полотна; сапоги выскивал или заказывал из тонкого сафьяна, вышитые бисером по краю голенищ и украшенные дорогими камнями.

Особое внимание Шуйский уделял шапке, отороченной ценным мехом. Головные уборы были «слабостью» Василия. Материал для шапок подбирал весьма тщательно и всякораз сказывал: «Папаха хана видна издалека!» И то верно! По замысловатой шапке Василий Шуйский легко обнаруживался в любой сутолоке!

Шубу носил из ценных соболей. На шее Шуйского блистали золотые цепи-бармы из золотых медальонов. На пальцах его рук обычно красовались массивные кольца. Своим видом Василий Шуйский показывал, что владеет несметными богатствами! А сам был гол как сокол! Однако форс держал! Так и ноне принарядился. И сразу повел себя вальяжно.

– Не скучай, Даша, займись чем-то, – миролюбиво наказал он жене, поспешая из горницы.

Дарья взялась за вышивку. Послышались размеренные шаги Василия Васильевича вниз по лестнице. Хлопнула входная дверь. Стихло. Оторвавшись от работы, Дарья зевнула, собравшись пойти вздремнуть. Какой-то шум привлек ее внимание. Прислушалась. Снизу донесся резкий скрип двери и – хлоп, хлоп!

Затем раздались тяжелые поспешные шаги вверх, под которыми тяжело заухали скрипучие ступени. Вскоре всполошенный Василий ворвался в горницу, торопливо сбросив на ходу шубу и шапку, стянул сапоги. Затем снял золотые бармы и кольца. Поспешно отправил золото в шкатулку, стоящую на божнице. После того неловко и поспешно принялся снимать добротные наряды, швыряя их жене в руки.

Ничего не понимая, Дарья молча принимала одежду мужа. Видя его воспаленность, помалкивала, опасаясь грубого окрика.

Оставшись в нижнем белье, Василий метнулся к сундуку с поношенной одеждой, отшвырнув старенький стертый тулуп, раскинутый на крышке, на пол. Спohватившись, поднял тулуп. Усмехаясь, придирчиво осмотрел его и примостил на лавку.

Порывшись с гримасой в сундуке, выбрал простенькую рубаху, вылинявшие штаны и затрапезный кафтан. Морщась, натянул на себя эти одежки. Затем обулся в простые, зала-танные сапоги. И к завершению наряда надел старый тулуп, отброшенный на лавку.

«Так-то лучше!» – удовлетворенно хмыкнул он и, подмигнув Даше, изрек:

– Теперь я схож с братом Иваном!

Удивленно взиравшая на сие переоблачение, Дарья тревожно запытала:

– Васенька, здоров ли ты? Аль наши дела так плохи, что ты собрался просить «Христа ради»?!

Шуйский насмешливо сощурился:

– Дарья, не суй нос в чужое корыто!

– Насмехаешься... – обиделась Даша, поджав губки.

Василий миролюбиво улыбнулся:

– Даша, будя тебе дуться! Надумал над Иваном подшутить! Тот любитель облачать на себя тряпье! Коль встрел бы меня ноне Иван, всласть потешился б!

Обидевшись, Даша повела плечами и дерзко налетела:

– Я уж понадеялась, что ты прикинешься паинькой да помчишься к тетушке, а ты надумал устраивать маскарад!

– Завела... песню, макитра, полная макухой...

Надувшись, Даша небрежно бросила на сундук одежду мужа и уселась за вышивку.

Шуйский походил-попрыгал по горнице, обвыкаясь в непривычном наряде. Спohватился: «Что водрузить на голову?» Не выислав ничего более подходящего, взял свою меховую шапку. Задумавшись, подержал-покрутил ее в руках и все же надел на голову.

«Шапка мое лицо... Лицо не подменю!» – убежденно пробубнил себе под нос.

Однако добротная шапка, как он понимал, не вязалась с ветхой одеждой. И Шуйский несколько раз снимал ее и вновь надевал, потом засунул за ворот кожуха. Дарья Алексеевна, не понимая спешного переоблачения муженька, искоса подсматривала за ним.

Уж вовсе собравшись, Василий Васильевич замаялся: что-то его держало. Раздумывая, Шуйский потоптался посреди горницы. Всполошившись, мельком взглянул на Дарью Алексеевну, занятую работой, ринулся до божницы. Отгородившись от жены спиной, ухватил пятерней шкатулку с золотом, открыл...

Покопавшись в шкатулке, проворно выхватил коробочку с женским украшением. Открыл коробочку, довольно похмыкал себе под нос. Затем по-хозяйски припрятал коробочку за пазуху. Усердно перекрестившись на образа, что-то тихо зашептал.

– Василий! Сие ты мне преподнес! – уследив содеянное, вспыхнула Дарья.

Шуйский недовольно скосил на нее глаза.

«Ох, кулема остроглазая!» – недовольно муркнул он. Однако тут же подлащился к жене, чтобы не подняла скандал:

– Не гневайся, Дашенька! Коль удачно... съезжу, куплю тебе дюжину таких! – бросил Василий, торопясь к выходу.

– Шутишь?

Уже у двери Василий напористо пробасил:

– Какие шутки? Сама надоумила! Семь годков не был у тетушки! Как идти без подарка?! Ей не поднесешь общипанного воробья!

– Ах ты сладенький мой, к Лукерье... настропалился!? – расцвела Даша.

– К ней...

– Вот и славно, голубчик! Ехай с Богом! – ласково прощebetала Дарья Алексеевна и перекрестила мужа.

– К тетушке... собравшись... Как встретит?! – вдруг замаялся Василий.

Даша метнулась к мужу, обняла, нежно погладила.

– Поди, ждет тебя тетка одинокая!

Василий Васильевич недоверчиво крутнул головой.

– Вряд ли. Ты ее не знаешь. Тетка по натуре вреднючая!

– Чует мое сердце: как родню встретит! Не пасуй! – подбадривая мужа, убеждала Даша. – Вот увидишь, все будет хорошо! Божечка, помоги сердечному!

АХ, ТЫ МОЙ КОНЯШКА!

За два месяца до свалившего его недуга Великий хан Московии Василий находился с братьями, ханами Андреем Старицким и Юрием Дмитровским и всей свитой на охоте.

Ханские охоты – древний традиционный русский обычай. Выезжали по осени вглубь лесов с обслугой, с псарней, с арбами, заполненными всем необходимым, останавливаясь в одной из деревень Московского ханства. И как пойдет охота, так задерживались на промысле до двух и более месяцев.

В тот год осень выдалась сухой, слякоти не было. Большие ранние снега и морозы еще не обрушились на землю. Лишь свежий утренний морозец, соперничая с осенним прогревом, обволакивал серебристым инеем лесную природу, поджидавшую зимушку: серебрил жухлую поникшую траву, ложился хрустким покрывалом на опавшие листья; легкой звездной пылью окутывал и студил оголенные метелки деревьев и раскидистые еловые лапы.

Однако хвойный лес поражал зеленью, словно его не коснулись холода. Правда был звонче, скованней и казался недоверчиво-настороженным...

Дышалось легко, полной грудью. От избытка кислорода в сосновом бору людей слегка покачивало. Смешанные перелески мелькали перед глазами охотников темной оголенной наготой и только изредка попадались кусты, чудом сохранившие яркое одеяние: пунцово-пыльное, жгучее, словно куст объят трепетным догоравшим пламенем.

Рассекая загустевшую скученность утреннего тумана, братья: Великие ханы Иоанновичи скакали на добротных жеребцах по лесной ухабистой дороге в намеченное место. Следом, распределившись по группам, по лесным тропам ехали на конях князя и бояре, по извилистой дороге пробирались зипунники на телегах; селяне-охотники шли прямо по лесу, удерживая собак.

Братья-ханы углубились в лес. Вроде ничего особенного в их облике и не было: словене, русские люди! Но своим видом они отличались от обычных мещан и даже помещиков или бояр. Благородная внешность, богатырская силушка, живой ум, внутренняя собранность, честность, ответственность – являлись принадлежностью великого рода Руриковичей.

Даже на беглый взгляд была видна неуловимая схожесть братьев: Василия, Юрия и Андрея. Она проявлялась во многом – в крепких телах, в мужественных чертах лица, в манерах поведения, в скупых и властных жестах. А в обращении с людьми – в открытости и доброжелательности.

Если же внимательно взглядеться в братьев Иоанновичей, каждый из них был индивидуален; и даже могло показаться, что они вовсе не схожи.

Правитель Руси Великий хан Василий – крепкий дородный мужчина, настоящий русский богатырь. Он обладал редкой способностью охватить разом проблему и живо найти решение. Был скор в мыслях и делах, требователен и властен. Лицо у него было живым и строгим; прямые глаза говорили о честности и великодушии. Будучи отходчивым, ни на кого не таил зла. Зато с ворами и разбойниками не церемонился и был жесток.

– Какое им помилование?! – бушевал он на ханских судах.

– На первый раз... можно и простить...

– Ни первого, ни второго раза не будет! С разбойниками поступать по их же законам – ибо другого языка они не имеют! Сей раз помилую, вдругораз ишо больше нашкодят. Волку сменишь натуру?! Как бы, не так! – рассуждал Василий Иоаннович. – Да и охочим до разбойного дела будет наука!

Прибывшим издалече заграничным послам Василий Иоаннович сказывал открыто: «По дружбе придете – братьями назову. С мечом пожалуете – не обессудьте!»

Провинившихся князей, бояр, служивых людей, посадских, мещан – Великий хан наказывал особо, полагаясь на их совесть.

Государь велел глашатаю зачитывать принародно о нарушителях, выставляя их на площадь к позорному столбу; других облагал штрафами, некоторых сажал в темницу до выкупа родными. Пробирало... Но никого не бичевал и не казнил.

Покушение на жизнь словенина считалось большим грехом. Вопрос о жизни человека находился в руках Господа.

Однако учитывая тяжесть греха, люди, порой, сами устраивали самосуд. В таких случаях хан не вмешивался: «Значит, такова воля Бога!»

Хан Юрий Дмитриовский младше Великого хана Василия. И сам был как порыв: шумливый, открытый, безудержный. Живое выразительное лицо располагало к общению и вызывало доверие. Мягкие и доверчивые голубые глаза, наивные и простодушные, из которых лились искорки, не вязались с высоким саном. Зная это, хан старался меньше улыбаться, напуская на себя солидность и строгость. Случалось, даже сердился: «Я ж не девица красная, улыбки раздаривать! Хан должен быть строг!» А сам уже расплывался в добродушной улыбке.

Вероятно поэтому Великий хан Юрий, на первый взгляд, казался легковесным. Однако вотчиной управлял сноровисто и имел добрый прибыток в делах. Был верен, надежен, честен и ответственен. И потому имел много друзей, готовых откликнуться по первому зову.

И коль налетали ненароком поганые, будучи отчаянным и храбрым, хан Юрий соколом мчался в бой, ведя за собой дружину. В ратном деле у него проявлялись ярость, решимость, мужество и даже жесткость.

Великий хан Андрей Старицкий – младший из братьев. Он такого же роста, как хан Юрий; черты лица жестковатые. Нависшие соколиным крылом черные брови над пронзительными карими глазами и глубокая складка на лбу, говорили о воле, сдержанности, храбрости, жесткости в характере. И никто не ведал, что под грубоватой внешностью скрывалась чистая ранимая душа ребенка.

К холопам Андрей Иоаннович был требователен, но не жесток. Провинившихся мужчин-холопов заставлял выполнять бабские повинности: доить коров, белить холсты, стирать тряпки в реке. И как уж те тогда вымаливали пощады, но хан был непреклонен. Понабравшись стыдобушки от насмешников, мужички старались впредь не плошать.

В своем кругу Андрей Иоаннович считался мыслителем. В его душе то и дело возникали благородные мысли о святой справедливости, а мудрое чело постигали философские рассуждения. Тем не менее, дружину держал крепкую. В битвах Великий хан Андрей был отважен и смел, мчась наудалую.

Младший, как часто водится в семьях, мазун и любимчик. И это отразилось в общении: Андрей нуждался во внимании братьев. Частенько, оставив дела на стольника, Андрей скакал до Великого хана Василия. Тот, разбирая житейские и спорные дела бояр, видел, что брат соскучился и молча указывал сесть рядом. И когда заходил спор по делу, государь Василий обязательно интересовался мнением младшего брата. А потом утверждал: «Глядите-ка! Младший братишка оказался смышленней всех! Ишь, как подошел к делу!»

Проведав Великого хана Василия, Андрей направлялся до Юрия, найдя занятие по душе. Иногда братья заводили игры, потехи, состязания. Что-что, а охоту Великий хан Андрей обожал. Вот уж раздолье душе!

Великие ханы Андрей Старицкий и Юрий Дмитриовский считались рачительными вотчинниками. Они заботились о смердах, поддерживая их в нужде; к хозяйским работам подходили осмотрительно, не нагнетая излишней нервозности и суматохи во время страды.

Селяне, сознавая справедливое отношение хозяев, трудились добросовестно. И потому хозяйства братьев были крепкими. Но лодырям, подлым вора и пропойцам ханы не давали спуску!

Братья-ханы были связаны крепкой дружбой и по первому зову дружно съезжались поговорить, поделиться, а то и побороться!

Окружив участок леса, охотники гнали зверей. Лес оглашался звуками рожков, улюлюканьем, шумом, гомоном, залившимся лаем гончих...

В этот сезон охота шла азартно. Гончие псы гнали дичь и зверье. И каждый выход в лес был удачным. По возвращению на стоянку смерды трудились допоздна, разделывая туши, засаливая их и коптя; да и кожемяки были завалены работой.

После охоты ханы, князья и бояре шумно общались, ели запеченную дичь, пили пиво. Бражкой или чем крепче не баловались – не принято было. И только для увеселения пригубляли медовуху. Да и она была не крепка.

Постреливали, соревнуясь, из луков по мишеням; метали топоры и клинки по установленным щиткам. В выходные, после молебна, устраивали игры, боролись, стреляли из лука.

– Так-то попасть не нужно большого старания! Ну-кась! Попади с завязанными глазами!

– Я-то попаду! А ты порази-ка враз две цели, выпуская из лука две стрелы!

– Вдругораз попаду! Нынче глаз запорошило!

Балалаечники до звезд наяривали лихие напевы, изредка развлекал охотников мужик с медведем. Все было как обычно.

В один из промысловых дней гончие напали на след стаи вепрей. Шуганув из зарослей свиной-дикарей, погнались их в засаду.

– Гонят! Гонят! Ишь, повизгивают, захлебываются псы! – всполошились смерды, угадав по визгу собак большую удачу.

– Айда, гони на вороных поперед стаи!

– Не выпускай!

Великий хан Василий в тот день нехотая запозднил, разбирая тяжбу помещиков, прибывших издалека. Примирив спорщиков, отправился на охоту. Ехал один на белом в яблоках коне Найденыше.

Проехав по мелколесью до лесного массива, Великий хан не обнаружил своих на месте и поскакал дальше по лесной тропе, надеясь обнаружить их по шуму. Двигался не торопясь, огибая кусты, прокручивая в голове причину разлада помещиков: нарушение границ.

«Слить бы всех в один гамуз и не было бы споров», – озабоченно размышлял он.

Из трущобы, усиливаясь к нему звуком, раздался треск сушняка. Василий Иоаннович, вслушиваясь, притормозил коня. Треск и топот раздалось вовсе рядом.

Не успел хан что-то подумать, как ветви кустарника резко разметнулись и на тропинку вырвались из кустов три крупных секача. Видать, стая вепрей ушла по ущелью, а эти отбились. Всполошенный конь шарахнулся в сторону, но густой лес не пустил уйти.

Старый секач, оскалив клыки, как борзый набросился на Найденыша, рванув его за заднюю ляжку. Василий Иоаннович стремительно соскочил с коня. Конь, резко взбрыкнувшись, мощно саданул вепря копытом. Секач, дико взвизгнув, перекувыркнулся и тяжело громынулся на мелкий кустарник, кроша и подминая ветки. А жеребец тяжело осел на задние ноги.

Рванув из седла бердыш, Василий Иоаннович в два прыжка оказался подле отброшенного дикаря. Яро замахнувшись, саданул кабана топором, отсекая голову за раз.

Два других секача жадно набросились на коня, пытаясь порвать его. Коняшка тяжело привстал; раз, два отбил копытом. Но ноги ему поранили.

Не забочась о своей жизни, хан метнулся в пекло драки. Подскачив, наотмашь громынул одного дикаря обушком, удачно свалив наземь. И тут же стремительно крутнулся к другому, бросившемуся на хана с оскаленной пастью. Государь не успел отпрянуть, как вепрь вонзил острые клыки в его сапог и с треском вырвал шмат обувки. К счастью, ногу не повредил.

Наспех размахнувшись, хан наметил ударить кабана по голове. Жажнул. Но не убил, а только зацепил по краю головищи. Собачий залиvistый лай выплеснулся рядом. Вепрь, пронзительно завизжав, шарахнулся в лес.

Расслышав визг кабанов, ржанье коня, сюда уже спешили охотники, оказавшиеся поблизости. Собачий лай заполнил лес.

Взглянув на раненного любимца, Василий Иоаннович крайне огорчился и бросил бердыш: «Вот досада! Ах, ты мой коняшка!»

Государь бросился к коню, пытаясь осмотреть раны. Кровь, сочась, залепила темными шмотьями-сгустками и бурыми подтеками весь левый бок, да и вторую ногу, и невозможно было что-либо разглядеть.

– Найденыш, что за напасть на тебя?! – горестно посетовал хан, вдруг растерявшись. Он не знал, чем помочь любимцу.

Из лесу появились охотники-селяне. Оценив поле стычки Великого хана с дикими кабанями, удивились его удали. Конь вертел головой, поглядывая на людей, из его глаз катились слезы.

– Гляди-ко, как порвали жеребца, – охал Василий Иоаннович, вглядываясь в раны.

– Не горюй, хан! Случалось хуже того!

– За неделю-другую затянутся распанахи. – подбадривали Василия Иоанновича мужички, принявшись помогать коню.

Осмотрев раны, более опытные охотники засомневались:

– Это как пойдет лечение!

Врачуя жеребца, расторопные охотники завели меж собой спор-перепалку:

– Укус дикого зверя опасен.

– Се для кого как! Для кого и комар опасен!

– Известно, всякое случается. Но чтоб так порвать жеребца – тут недалече и до беды!

– Тьфу, на тебя, Матвей! Не приведи, Господи!

– Да я к слову...

– Должен поправиться коняшка...

– Загадывать нельзя, однако ход рысака может нарушиться!

Помочились на раны – верный способ заживления. А тут уже подкатила телега с охотничьими припасами, нашлось все что требовалось.

Видя, что Найденыш не встает на ноги, охотники задумались, как доставить коня на хутор. Загвоздка! Решили соорудить настил из жердей, прикрытый еловыми ветками. Проворно смастерили. Сообща с трудом передвинули жеребца на настил, удобно подстелив ему под бока хвойные ветви. Управились еле-еле! Тяжесть-то какова! Отдышавшись, дали коню попить медово-овсяного пойла.

Управившись с конем, смерды принялись за забитых вепрей. А Великий хан еще долго крутился подле Найденыша, жалея его: то протирал тряпицей, то гладил...

– Не пойму, как могло такое случиться?! – ворчал раздосадованный государь.

– Сице, чему дивиться? – вставил Тимофей, бывалый охотник. – Охота. Зверье лютует.

– На промысле всякого перевидишь: тут кто кого опередит! – добавил проводник.

– Все одно! Прежде со мной не случалось неурядиц! — заметил государь. – Бог миловал.

Заметно было по напряженному лицу Василия Иоанновича, что он еще не пришел в себя от перепалки со зверями. Слегка подрагивающими пальцами Великий хан ласково потрепал гриву раненному любимцу:

– Потерпи, Найденыш! Заживет!

Смерды возились с забитыми кабанями, посматривая на хана.

– Василий Иоанныч, ты присматривайся да бери на заметку, – увещал-вразумлял охотник Ефим. – Зачастую тако и складывается на жизненном пути: нема, нема горя, а то враз нахлынет, навалит, как снегопад на голову!

Всколыхнувшись жгучим огнем, в душе хана поднялась тревога. Скользнув глазом на селянина, осадил неожиданную жгучесть, подступившую до горла. Смутившись и затревожившись от этого, махнул рукой и пошел навстречу братьям, показавшимся из лесу.

– Не каркай, Ефим, – накинуся на охотника конюший:

– Чего завел при хане!? Вишь, он и так огорошен!

– Да я к слову...

– Ты, умник, язык прикусывай, когда чешется!

– Лады, – согласно кивнул головой Ефим и усердно принялся за дело. Помолчали. Однако Ефима что-то подмывало, и он выпалил:

– Токмо к убытку или к горю, когда белого коня... ранят. Се примета нехорошая! Знак.

– Тьфу, ты, губошлеп! – не сдержался Никита. – Ежели следить за всеми приметам, тако и света Божьего начнешь страшиться!

– Следи не следи, а оно случается помимо воли, – доказывал свое охотник.

– Ты погляди на него, завел! – прикрикнул конюший.

То ли обидевшись, то ли смутившись, что его никто не поддержал, Ефим отошел.

Смерды-селяне проворно разделали диких кабанов, изредка перекидываясь короткими фразами. К тому времени уже пригнали брички. Погрузили на них всю охотничью добычу. Отправились. Великие ханы, князья, бояре на лошадях; смерды – кто пешком, кто на бричках, прикрепив гончих на бечевки. Настил с раненым конем повезла пара жеребцов. Так, как на санях, Найденыш добирался до стоянки.

На следующий день самые заядлые охотники вышли неподалеку в перелески: пострелять белок, зайцев, тетерев, фазанов, выпархивающих из-под ног. Проверили по сосняку поставленные капканы и силки. Наудачу попались пяток лисиц, пара соболей да несколько куниц.

Василий Иоаннович несколько дней не ходил в лес – крутился подле Найденыша, наблюдая, как выхаживает любимца местный селянин-лекарь.

Однако не так быстро затягивались раны у Найденыша, как хотелось: только через две недели дело пошло на поправку. Наконец коня стали выводить на прогулку, но он долго еще прихрамывал.

А когда Найденыш вовсе окреп и смог свободно передвигаться, отправились в Первопрестольную. Великий хан Василий ехал на другом жеребце, а Найденыш бежал рядом, слегка припадая на ногу. Так завершилась, в сей раз, ханская охота. В град въезжали не громогласно, не так как обычно. Незримое уныние сковывало людей, наплывая непонятной тоской.

МЕСТЬ ЛУКЕРЬИ

Тетушка Лукерья жила в большом поместье верст за сто от столицы. Велев запрячь затрапезную карету, Василий Шуйский покатил прямехонько до тетки. И всю дорогу мучил себя жгучими мыслями, выстраивая так и этак разговор с отдалившейся родственницей.

Эту ставшую чужой женщину, довольно властную, еще крепкую, Василий Шуйский обнаружил в людской, где она одетая в кожушок, наброшенный на простой сарафан, хлестала по пунцовым щекам придворную девку.

– Об чем, клуша, думала?! – верещала тетка, звонко шлепая заплаканную челядинку. – Иль спала, дуреха, на ходу? – жестокосердно выговаривала она.

– Не спала, клянусь! Я токмо... А оно...

– Как можно упустить молоко, когда оно перед бельмами?! – кричала Лукерья не своим голосом да вершила расправу: шлеп, шлеп, шлеп! – Я тебя, ледащая, отучу зевать! – кричала так надрывно, чтобы слышала вся дворня. И по щекам – шмяк! Шлеп! И уже не только щеки девы – все лицо стало пунцовым!

– Ой, больно! Ой, мамочка...

– Гляди-тко! Все молоко на плиту, – не унималась тетка.

Не выдержав истязания, от отчаяния девушка рванулась убежать, но Лукерья непустила, цепко ухватив ее жилистыми руками. Тогда девушка низко-низко склонила голову и крепко-накрепко закрыла руками лицо. Лукерья нашла новое: принялась дергать за косы: дерг, дерг! Сама же раздраженно отдирала руки челядины от головы, которыми та закрывалась, и, пуще прежнего, хлестала девицу.

– Негодница! Слепуха! Безрукастая! – разносилось по людской.

Видя, что тетушка не скоро оставит девицу, Шуйский не утерпел:

– Доброго здоровья, тетушка! – громыхнул Василий Васильевич, пытаясь перекрыть теткин вопль.

Лукерья обернулась на возглас. Удивленно окинула Василия взглядом, не узнавая. Потом всплеснула руками:

– Неужели?! Аль, Васенька пожаловал?! – картинно-насмешливо воскликнула она. Рада видеть!

Шуйский пропустил тетушкину едкость мимо ушей. Не зная, как держать себя, спросил нарочито громко:

– Дворовых страшаете?

Лукерья недовольно махнула рукой. Им обоим было страшно неловко находиться сейчас рядом. И каждый искал, чем прикрыть волнение, невольно нахлынувшее в душу. Тетушка незаметно смахнула предательскую слезинку и зашмыгала носом. И чтобы скрыть неожиданную радость от встречи, оглянулась на девку, вытиравшую лицо рукавом рубахи, и проронила безо всякого зла:

– Распустились холопы! – и для порядка погрозила девице пальцем:

– Гляди, Фекла, ишо раз нашкодишь, велю выпороть кнутом!

– Простите, барыня!

Лукерья криво улыбнулась и расторопно окинула взглядом людскую.

– Эй, Никита, Трофим! Живо подайте в трапезную угощенья, – деловито велела тетушка, вовсе переменив свой настрой.

Лукерья повернулась к племяннику. Мельком окинув его взглядом, легонько подтолкнула:

– Пойдем ко мне, Вася! – сказала совсем мягко.

Тетушка Лукерья проворно направилась в терем. Василий с облегчением вздохнул: «Приняла!» Сдерживая порыв радости, поторопился следом за Лукерьей в богатые хоромы.

– Отдышись пока! – велела она, указывая рукой на лавку. Но сразу не ушла, замялась, задержала взгляд на его облике:

– Хорош! Шуйская кровинушка...

Василий сдерживал мелкую нервную дрожь, неожиданно подступившую в ноги. Сумятица чувств нахлынула в голову, и он почувствовал себя провинившимся семинаристом перед пожилой женщиной. Хотелось просто обнять тетку: от старшей родни она осталась одна!

«Тетушка, родная!» – крутилось на языке. И уже руки потянулись сами собой... Но закостеневшее отчуждение сдержало радость обоюдной встречи. Не посмел обнять. Шуйский неловко потоптался на месте, закашлялся.

Поняла ли, нет, Лукерья его чувства? Пожалуй, ей некогда было разбираться, она просто ощутила родственную связь с племянником, и в ее жизни засветился крохотный фитилек, скрасивший одиночество. Спohватившись, Лукерья оторвала глаза от Василия, по-своему махнула рукой и скрылась в соседней горнице.

Враждебная стена, разделявшая родственников, рассыпалась в дребезги! Пришло ли облегчение Шуйскому? Нет. Впереди замаячил еще более жгучий вопрос: земля. К сердцу подступил страх: как теперь завести разговор с теткой о наследстве, когда он увидел в ее глазах теплоту к себе? Не хотелось разрушать эту вовсе слабую нить, протянувшуюся между ними. Довольно отчуждения!

Василий вдруг почувствовал, что ему необходима теплота и дружба, он жаждал родственных отношений. Хотелось по-своему видеться, общаться, радоваться встречам! И ни о чем не терзаться... Мысли теснились в голове, как льдины во время ледокола. Не сомнет ли его тот «ледоход» как тростинку? Куда он выплывет? Пока не ясно!

Шуйский сбросил кожушок на лавку, там же оставил шапку, припрятав ее в рукав. Сел, надеясь успокоиться и привести мысли в порядок. Взвесив ситуацию, решил пустить все на самотек. Оглянулся вокруг.

У тетушки в приемной горнице ничего не изменилось: резные лари, резные полки, тяжелые картины в рамках, самотканые ковры: все привычно, словно вышел отсюда вчера, а не много лет назад.

Слюдяные оконца слабо пропускали матовый свет, играя солнечными зайчиками по стенам из досок, скользя по тяжелым картинам в рамках. Освоившись, Шуйский почувствовал себя привычно, как дома.

Спустя время появилась тетушка Лукерья. Теперь она предстала знатной русской ханшей: гладко причесанной в богатых нарядах, посвежевшей и помолодевшей. Только не к месту казался на ней небольшой передничек с вышивкой.

Показав себя в величии, тетушка Лукерья откровенно окинула племянника внимательно-придирчивым взглядом, от которого Василий Васильевич невольно поежился.

От глаз Шуйского не укрылось, как тетушка Лукерья пренебрежительно усмехнулась, оценив его затрапезную одежду, но ничего не сказала.

Лукерья указала рукой следовать за ней и пошла впереди степенным хозяйским шагом. Уловив аппетитные запахи, Шуйский почувствовал, что проголодался и поторопился за тетушкой.

В трапезной проворные дворовые уже суетились, выставляя на массивный стол холодные закуски: соленья и копченый окорок, колбасу, вяленую рыбу, пироги. Кушанья подавались в деревянных и серебряных мисках, напитки в кувшинах.

Горница была убрана по женскому вкусу: нарядно и красочно. На стенах, столе, ларе, полках – всюду радовали глаз тонкие белоснежные выбивки и кружева, стены были увешаны льняными полотенцами, расшитыми красочной гладью и крестиком.

Перекрестившись на образа, сели за стол. Один из парней остался прислуживать и стал ловко подносить кушанья, налил в выбитые серебряные бокалы медовуху.

– За встречу! – приветливо произнесла Лукерья, поднимая серебряный бокал. Она пригубила, взяла пирог, наблюдая за племянником.

– Васюня, гляжу, раздобыл ты... слишком... Не тяжело на ноги?

– Тяжеловато, тетушка...

Принявшись жадно есть, Василий Васильевич меж тем размышлял, как приступить к разговору, мучавшему его. Вспомнил. Суетливо вытерев рот рушником, торопливо достал коробочку, поднес тетушке подарок.

– Не откажи, – как можно смиренней произнес он.

Она равнодушно приняла, насмешливо растянув губы в едкой улыбке, вероятно считая, что там сущий пустяк. Хотела даже отставить в сторонку, но взглянув на племянника, застывшего рядом изваянием и неотрывно следящего за ее руками, небрежно приоткрыла крышку и с удивлением обнаружила изумительное ожерелье.

– Ох, ты, ле-е-епо-та какая! Прямо-таки царское ожерелье! – почти пропела Лукерья, восхитившись браслетом. – Слов нет, уважил...

Она принялась рассматривать подарок повлажневшими глазами, примеряя его то на одну руку, то на другую.

– Рад, что угодил, – вымолвил Шуйский скромно.

– Спасибочко, Васенька! Замечу, у тебя отменный вкус! – тепло сказала она. Но тут же, мельком взглянув на племянника, Лукерья кольнула:

– Приму, хоть и не по средствам тебе, голоштанному, таковые подарки подносить.

Удовлетворенно хмыкнув себе под нос, Василий отправился на место. Лукерья не оставляла подарок, примеряя ожерелье и так, и этак. Любуясь золотом, блаженно улыбнулась и почти нежно произнесла:

– Когда получаю подарки, начинаю думать, что я еще кому-то нужна на этом свете... А это приносит радость! Вот так... Удивительная вещь – этакая мелочь – подарок! В нем сокрыта любовь, крошечка сердечного тепла от человека, который его преподнес. И эта кроха способна вырасти до... громадных размеров и согреть душу человеку всю жизнь!

На ее глаза вдруг набежала тень, нервно задрожало веко, и она нахмурилась, вероятно, вспомнив что-то грустное. Горестно вздохнув, Лукерья произнесла сухо:

– Твой батюшка, царство ему небесное (она перекрестилась), пока не испохабился, тоже был предупредительным ко мне.

Василия передернуло от откровенного признания, побагровел, но сдержался.

Оторвавшись от украшения, Лукерья замкнулась, мысли ее унеслись далеко. Оцепенев, угрюмо уткнулась в бронзовый канделябр, словно надеялась выудить из него укрытые от нее истины. Шуйского невольно пронзил холодок: «О-о-о, тетушка, как изваяние».

Но вот глаза тетки оживились, словно она смахнула с головы липкий густой туман. Тень ушла из глаз, забегали искорки. Повертев ожерелье перед глазами, аккуратно убрала в коробочку. Весело посматривая на племянника, поинтересовалась:

– И все же, Вася, сознайся, случайно ко мне явивши?

Василий покраснел. «Как бы, не так! Женка надоумила!» – промелькнуло у него в голове.

– Толи вспомнил, что у меня ноне День рождения?

Лукерья обожгла его глазами, тайно надеясь на сердечную доброту племянников и не рвущуюся корневую связь.

Шуйский всколыхнулся: «А ведь мог вспомнить – прежде этот день отмечался пышно! И это было бы кстати. Ан, нет... не вспомнил».

Из-за возникшей вражды памятные дни померкли.

Смутившись, Василий растерялся. Хотел соврать, не смог. Она поняла, добродушно рас- смеялась.

– Случайно... Дак и ладно! Хорошо, что не сбрежал, – произнесла Лукерья шутливо. – Похоже, тебе подсказали на ушко мои ангелы!

– Выходе, они! – улыбнулся Василий. – Дарьей кличут, – добавил тихо, чтобы тетка не расслышала.

– Ку-у-ушай, Вася! Я буду долго вспоминать, как ты гостевал у тетушки. Теперички вы редкие гости.

Слуги подали горячее: щи с говядиной, лапшу с фазаном. Шуйскому подлили медовухи. Выпил. Поспешно похлебал щи и тут же лапшу. А тут уже подали жаркое, тушенное в печи, говядину с фасолью, фазана в горшке с разными травами, индюка с яблоками и черносливом, запеченного осетра в моркови и кореньях, маленькие варенички... Помимо того выставили несколько иных блюд, которых ему не доводилось есть.

Все подавалось на изысканных блюдах, имело неопиcуемый вид и вызывало тягу обя- зательно отведать то или иное кушанье. Аппетитный запах сытной пищи витал по горнице, уводя от суетных мыслей, подталкивая углубиться в трапезу. От предвкушения аппетитной еды, давно не пробованной, у Шуйского закружилась голова. Обливаясь потом, Василий при- ступил к тушеному в горшке фазану с овощами.

– Сма-а-а-чно-о-о, – слащаво проронил он. Затем приступил к другому блюду. А после черпал из разных чаш, уже не осознавая, что за блюдо. Осилив бедро индюка, передохнул.

– Кушай, Вася, не стесняйся!

– Тетушка, не могу показаться непочтенным, – с набитым ртом промычал Шуйский, потянувшись за пирогом.

– Я рада, что угодила...

– Ох, как же отменны пироги! Пожалуй, хлебну морса...

Василий Васильевич ощущал, что насытился сверх меры, но хотелось отведать еще и жар- ного, и ломоть осетра маячил перед глазами... Да еще ухватить и из других чаш.

– До-о-обренько у тебя стря-я-а-апают, – отдуваясь, выпалили он, вытирая рушником жирный подбородок.

– В моем доме готовится по старинным рецептам знатного рода... ханов Шуйских! – горделиво подчеркнула тетюшка Лукерья.

– Вкусно-ти-ща! – с затаенной завистью Василий оценил обильно-сытное угощение тетюшки, невольно сравнивая ее стол со своей скудной едой.

– Все, уйди! – строго велела Лукерья прислужнику. – Коль понадобится, кликну!

Помолчали. Насыщались пищей. Пили. Лукерья – глоточек. Василий – кружку. Каждый думал о своем. Но вероятнее всего об одном.

– Вася, я догадываюсь, зачем ты пожаловал, – нарушила тишину тетюшка.

Василий напрягся. Сытная пища и медовуха ударили в голову и не давали сосредото- читься.

– Тако я по пути, то есть... чисто проведать...

– Ага, как же! – усмехнулась Лукерья. – Прижало, вот и... Дружок, хочу тебе сказать, напрасно!

Шуйский поперхнулся, закашлялся. Отдышавшись, вытер рукой наворачнувшиеся слезы.

– Почему? – стараясь скрыть разочарование, промямлил Василий Васильевич, уставя в тетюшку Лукерью неустойчивый от медовухи взгляд.

– Потому! – недобро съязвила. И тут же добавила, оглушила: – Тому причиной ваш батюшка. Нет прощения подлому губителю знатного рода Шуйских!

Василий же, вдруг осмелев, взорвался:

– Обобрала моего батьку и норовишь оставить нас с братом в сермяге!? – выпалил он.

– Что!? – вспыхнула Лукерья. – Ты в своем уме?!

– Сквальжница! Донага обобрала! Совести ни на грош! В нищете перебиваемся с Иваном! Срам какой для Шуйских!

– Вася, ты спятил? Как с цепи сорвался, – опешила Лукерья. – Нет моей вины. Я вас не оббирала! – убежденно урезонила она племянника.

– Ой, ли, тетушка?! – загремел Шуйский. – Все как есть – донага! До нитки!! Видать, прилащилась до деда! Уговорила его отвалить все тебе! А теперь совесть мучает? Печешься, чтобы монахи отмолили твои подлые деяния?! – налетел он на опешившую Лукерью.

– Осторожней с осуждением!

– Знай, наши слезы выльются тебе! погоди!

– Крест с тобой! Смолкни! – властно велела тетушка.

– Не стану молчать! Не закроешь мне рот! – зло кричал он. – И то! Монахи хапнут поместья, так, поди, станут молить-отмаливать твои грехи! Однако попомни: та земля не пойдет им добром! Да и твоей душеньке не сладко будет на небе!

– Василий, окстись! Перестань! – крестила его Лукерья, пытаясь уговорить разбуянившегося племянника.

– Никто тутко не баил правды?! – надрываясь, вопел Василий, выплескивая из души накопленные обиды. – Скажу! Послушай! Теперь все одно!

– Окстись!! – разгневалась тетка, приподнявшись.

– Обобрала!

– Выслушай!!

– Чаго мне слушать?! Обобрала! – свирепел Василий.

Не сдержавшись, Лукерья плеснула из ковша ледяного кваса в лицо племяннику.

– Гутору, выслушай!!

Она с таким гневом вперлась взглядом в Шуйского, что тот невольно осел, неловко вытирая распалившееся лицо рукавами.

– Вы-то сами, родня, почто прежде не тревожились? Отчего ни разу не забрели ко мне выведать, отчего дед так поступил с наследством, – выговаривала она, гневно сверкая потемневшими глазами. – Не подмывало вас дознаться, что произошло меж родней?

– Отчего же!? Свербело прознать! – воспламененно огрызнулся Василий. И, потухая, добавил:

– Сбирались. Да токмо, как идти в чужой огород с расспросами?

– В чужой?! – пораженно взвизгнула она. – Се не чужой! Се родовой! Се кровный! – выплескивала Лукерья, разгневавшись.

Василий Шуйский и тетушка Лукерья встретились взглядами. Василия даже качнуло от дикого гнева, бушевавшего в ее глазах. Невольно вздрогнув спиной, смущенно отвел взгляд.

– Не ведомо тебе, Вася, кем бы стали Шуйские, коль твой батька не встрял бы в мои дела! – с горьким сожалением произнесла она и горделиво подняла голову.

Василий растерялся. Он вдруг вспомнил, что батюшка всякий раз категорично выводил от разговора о дедовом наследстве, начиная злиться и поносить тетку. И если встревала мать, разгоралась ссора. Родители тогда запирались в горнице, и до слуха братьев долетали лишь отдельные непонятные словечки. Так или иначе, истина укрывалась. Василий и Иван так и не могли докопаться до сути.

В душе Шуйского все так же кипело, но сквозь пыл горечи он знал наверняка, что за недосказанностью родителей скрывалось что-то важное. С пронзительной ясностью Василий осознал, что именно сейчас ему откроется тщательно укрываемая в их доме тайна: причина давнего семейного разлада, приведшая семью Шуйских к расколу. Как провинившийся песик Василий вопросительно уставился на тетушку:

– Тетушка, я тута сгоряча нагородил лишнего, – виновато загундосил он. – Прости уж... Сказывай! Не таи!

Лукерья скользнула пристальным взглядом по лицу племянника и едко усмехнулась. Неторопливо нацедила в чашку Василия ледяного кваса из ковша.

– Накось тебе. Остудись. И не кипятись почем зря.

Шуйский выпил. В голове немного прояснилось. Она же выпила медовухи и повернула к Василию распаленное стычкой лицо, вдруг изменившееся до неузнаваемости, отразившее давнюю горечь.

– Тако слушай! – в глазах гнев вперемешку с горечью. – И пошевели мозгами, прав был дед, али нет! – действительно изрекла Лукерья.

Тетушка поспешно вытерла краем передника вдруг хлынувшие из глаз слезы и начала говорить глухим, прерывающимся от страданий голосом:

– Се уже забыто, а многим и не ведомо. Ох, какое же приключилось горюшко...

Лукерья вдруг заголосила, завывла тихо и надсадно. Василий Васильевич поежился: вот уж зацепил! Однако заставил себя терпеливо ожидать. Ясность еще не наступила, но в голову прокралась четкая мысль: узнав скрытую тайну семьи, он де попытается исправить положение!

От возникшего напряжения и ожидания в груди поднялось волнение: сколько времени он стремился дознаться до причины отвержения знатным богатейшим дедом его отца, да фактически всей их семьи, не удавалось! И вот эта тайна перед ним – у тетки на блюде!

Тетушка Лукерья никак не могла успокоиться. Выплакавшись, произнесла глухо:

– Все связано с государем Василием.

– А!? Те-е-е-етушка! Великий хан тут при чем?! – удивился Шуйский.

– Да он в нашей истории главное лицо! – с невероятной горечью воскликнула Лукерья.

– А можно подробней?

– Знай, племяш, Великого хана не обойти! – недобро заметила тетушка, словно плеснула кипятком и неторопливо повела рассказ: – Началось с того, что государь Василий, намаявшись неудачным браком с легкомысленной и ветреной женошкой, от которой не дождался детей, выпроводил ее в монастырь. А став вновь холостым, стал приглядывать среди княжеской и ханской знати новую партию. Невест выставили ему – будь здоров! А он все не мог определиться: всякий раз находил в девице изъян.

– Это когда же было-то?

– Да уж годков с десяток... или более того. Помню, Великий хан ненароком заехал в нашу усадьбу обговорить с мужем нужное дело. Муж пригласил его в дом, да Василий Иоаннович отказался, сославшись на занятость. Мы с Авдюшей хлопотали на летней кухне: перебирали с девками малину на варенье. Авдюша решила угодить почетному гостю да поднесла ему малинки. Тот отведал, да вдруг развеселился, согласился остаться на обед, отказавшись от срочных дел. Мы и не поняли тогда причину перемены его настроения, а дело-то оказалось самым важнецким! Василий Иоаннович приметил нашу дочь – красавицу Авдотью.

– Дак, она же, – промычал Шуйский, – бают, давно в монастыре...

– Се случилось до монастыря, – горестно заметила Лукерья.

– Из всех выбрал Авдотью?! – заинтересованно проникся Шуйский. – То бишь, сначала выбрал, а потом оставил? Ведь у них не сложилось!

– Не раздумал.

Плеснув в ковш кваса, Лукерья испила, неторопливо вытерла губы фартучком. Василий же был нетерпелив.

– Тетушка, право, мне интересно!

– Слушай, – изогнув брови, жестковато взглянула она на племянника, заставляя принять ее правду, а не ту, которую вероятно он слышал от отца: – Вася, я не нахваливаю дочь, но это

сущая правда: Авдотья в ту пору была писаной красавицей, нрава доброго, учтива, приветлива, скромна, трудолюбива.

– Я помню кухню совсем молоденькой: девушка была прехорошенькой!

– А как вошла в девичество, ровни ей не было! Да. И помимо прочего, Авдюша была обучена грамоте, что было редкостью.

– Гляди ты, какова кухня! И кто же надоумил ее на учебу?

– Отец. Да и Авдотья проявила усердие, интересовалась разными науками, много читала и могла составить беседу любому человеку. Государь был поражен ее умом и дельными рассуждениями и принялся обхаживать дочь.

– Чудеса! Что я слышу? Государь все же влюбился в кухню?!

– Влюбился? Какое-то слово ветреное... Великий хан Василий прикипел к Авдотье! – произнесла тетка и вновь умчалась воспоминаньями, изредка вытирая набегавшую слезу.

– Вот новость... – промямлил взбудораженный Шуйский, силясь настроить себя на восприятие давно ожидаемой истины. – Вы продолжайте, продолжайте, тетушка! Теперь и еда не идет! – пробубнил он, отодвигая блюдо.

– Меж тем Великий хан стал наведываться к нам чаще и чаще, а там и вовсе зачастил. Мы заметили, что дочурка засветилась счастьем! – полился рассказ Лукерья, оживляя ее глаза. – Виделись они часто с Василием Иоанновичем. И всегда им было о чем поговорить, а то Авдюша пела, хан подыгрывал на домбре. Великому хану по государственным делам частенько приходилось выезжать в другие уезды. И он взял прямо-таки в привычку всюду возить с собой Авдотью. Не редко случалось, государь приглашал Авдотью в Кремль, где неотложно нужно было решать дела. Так она помогала ему: читала челобитные, разбирала прошения князей и другие тяжбы. Вела отписки.

– Ничего не понимаю, – воскликнул пораженный Шуйский, – что же произошло? Что разлучило их?

– Узнаешь. – сухо заметила тетушка Лукерья и продолжила: – Поведаю все без утайки! В ту пору у нас все закрутилось, враз изменилась жизнь! В нашу усадьбу поплыли царские подношения от хана: ко двору доставляли тюками добротные ткани, везли тонкую заморскую посуду, были пожалованы ценные меха, гнали скотину. Чего только ни жаловал Великий хан! Нам был упрочен в Первопрестольной почет и уважение от знатных особ! Да и от посадских и мещан стали принимать поклонение – известно, вести мигом разносятся по граду! По правде сказать, то было красное время! Счастливое!

Тетушка Лукерья вновь умчалась мыслями в прошлое и забылась: то улыбалась, то плакала. Пережив нахлынувшее, очнулась:

– Да, да, так и было. Государь выделил Авдотью из всех дев и определил взять в жены.

– Не знал сего, – сознался племянник. – Вернее, в семье баяли... токмо... в ином... свете: вроде бы Авдотья сама... набивалась, а ее... отвергли.

– Вот еще! Се сущий наговор! – вспыхнула тетка. – Чего только не наплел твой батька на мою дочь. Знай же, государь от любви пылал! Они оба были счастливы, а мы с мужем рады радешеньки. Как, никак дочь станет Великой ханшей, достойной рода Шуйских! А больше всего радовало, что все у них идет по согласию, что доченька полюбила государя Василия.

– Кухину не смущало, что он старше?

– Знаешь, Вася, государь душой молод! И его лет не замечаешь, когда близко сойдешься с ним. Он насколько был заигателен и весел, что порой мы сами поражались его удали. А уж как ухаживал за дочкой: и внимателен был, и обходителен, и заботлив!

– Скажи, тетя, государь подносил кухне царские подарки или лишь бы какие?

– Подарунки-то? О-о-ох! Драгоценностями осыпал!

– Похоже, действительно любил, – согласился Василий и вновь спохватился: – Тетушка, не таите, отчего случился разлад?!

– Ты меня спрашиваешь?! – едко бросила она, словно упрекая в чем-то. – Меж ними все было ладно. – вспоминала Лукерья. – Он посватался. Однако мы с мужем упросили государя Василия отложить веселье.

– Зачем?

– Вот, спроси меня: «зачем»?! Теперь и сама жалею, что встряла! Хотелось как лучше! И вот почему отложили: была ранняя весна, стояла непролазная слякоть, а нам хотелось, чтобы веселье в Первопрестольной состоялось на славу, ведь женился Великий хан! Решили назначить венчание после поста, понадеявшись, что и погода установится. **(Весь).**

– Боже! Боже! Боже! Моя кузина чуть не стала Великой ханшей?! Скажите же, не мучьте, что их развело?! – нетерпеливо подталкивал тетушку Василий Шуйский.

– Да. Могла стать Великой ханшей! А не стала. – резковато подтвердила Лукерья. – И жених с невестой не могли наглядеться друг на дружку, уж так любились! – выматывая племянника тайной, Лукерья не спешила открывать ее. – Один без другого уж не могли обходиться... Да...

– Тетушка, умоляю, говорите же!

– Беда пришла от туда, от куда не ждали... Загруженный делами Великий хан, мечась между Кремлем и нашим хутором, уговорил нас отпустить Авдюшу до венчания жить к себе, оправдываясь, что намерен обучить ее светским манерам. Упорствовать было нечего – все шло гладко и согласованно. Мы собирались к венчанию основательно: как-никак дочь идет не за простого человека! Справили Авдюшеньке знатный наряд, выделили уделы на приданное да и к веселью подготовились крепенько...

– Тетушка, я догадался! – не сдержавшись, охмелевший Василий вихрем подхватился с места. Язык у него был развязан: – Авдотья бросила Великого хана и ушла в монастырь! Так? Отчего вошла ей в голову сия блажь?

– Погоди, торопыга! – осадила его Лукерья, пригвоздив до стула строгим взглядом, принявшись вдруг разглаживать дрожащими пальцами складку на столе; потом с горечью промолвила:

– Верно. Дочь ушла в монашки. Да токмо не по своей воле, голубчик! А подтолкнул ее к такому решению подлый поступок твоего батюшки!

– Отца?! – опешил Шуйский. – О чем вы... баете, тетушка? Это сущие враки!

– Ишь, каков Шуйский выкормишь! Враки! Да не враки! Твоего батьку попутал нечистый: позавидовал он счастью племянницы, и понесло его! Решил сам приблизиться до Великого хана!

– И что сделал батюшка?! – недоверчиво запытал Василий.

– Подлащился до государя да нагородил на Авдотью всякую напраслину! А в довесок к тому подстроил гадкую встречу с молоденьким князьком, якобы дочь тайно встречалась с ним. Тем и расстроил венчание.

– Тетя, что вы выдумываете!? Се враки! Враки! Наговор! – затарахтел он. – На батьку это не похоже!

– Мои седины не позволяют мне лгать, – горестно заметила Лукерья.

– Тетя, вы говорите что-то не то!

– Василий, твое дело – верить мне или нет! – заметила тетушка. Я рассказываю правду, а ты сам выбирай...

Василий Шуйский растерялся. Похоже, все именно так и случилось, как открыла Лукерья. Но какая же это горькая правда! Какая вопиющая оплошка со стороны отца!

– Неужели отец мог такое сотворить?! – пролепетал Василий, не желая принимать неблагоприятную истину.

– Как видишь! Всех перебаламутил. Государь, видя себя обманутым, разгневался и немедленно выпроводил дочь из Кремля, сославшись на то, что ей нужно пожить перед свадьбой у родителей. А нам Великий хан Василий передал отказ. **(Весь)**.

Шуйский принялся рьяно выгораживать родителя:

– Тетушка, вы уверены в своих речах? Может, не батька учинил сей разлад, а кто-то проделал это за спиной отца? – затрепетал Василий, надеясь отгородить отца от неприглядного поступка, а вместе с ним и себя.

– Васюня, не наивничай! Дело его рук, пустобреха! – отрезала Лукерья. – И это ишо не все. Ты только послушай! – тетушка легонько шлепнула взбудораженного племянника по руке: – Добиваясь в главные «нашептывали» к Великому хану, твой батька уж так заусердствовал, что посоветовал ему другую невесту!

– Кого же?

– Ты спрашиваешь? – горько усмехнулась Лукерья. – Княжну Елену Глинскую.

– Что!? – племянник выпучил глаза. – Вот нелепица какая! – сокрушенно выпалил Шуйский.

– Называй, как хочешь! А дальше вот как управилось:

сгоряча, считая себя оскорбленным, Великий хан согласился взглянуть на Глинскую. Мой братец во всю прыть, как оголтелый, поскакал за княжной и мигом доставил ее! И государь, не шибко приглядываясь к литовке, тут же обвенчался с ней. **(Весь)**.

– Невероятно! Государь очумел?! Да это, ни в какие сани! – буквально взревел Василий. – Легковерный муж! Где его честь?! Где рассудок?!

– Я не осуждаю Великого хана, – загорячилась тетушка. – Батька твой... подкузьмил.

– Боже мой... Как же так?! – забормотал Василий. Не найдя чем осадить захлеснувшее его огорчение, Шуйский наклонил голову и сдвинул ее руками. Ему казалось, что раскаленная голова треснет от обилия новостей, а больше от потрясения.

Вспоминая прошлое, Лукерья не умолкала, поливая рассказ прорывавшимися обильными слезами. Она выплескивала все, что накопилось за все те годы. Тетушка говорила и говорила, словно секла племянника раскаленными жгутами по лицу, по мозгам, по телу, доставая до нутра.

– Однако того, на что братец надеялся, он не добился, – заметила Лукерья. – Потоптавшись у Великоханского порога, поугодничав, брат отбыл «не солоно хлебавши»: ни сладкого места, ни достатка не выхлопотал себе! Василий был облагорожен лишь небольшим помещением – вот и вся награда от государя!

– Все одно не верится, что мой батька... стал причиной разрыва...

Лукерья строго посмотрела на племянника.

– А скажи, Васюня, получил отец поместье от хана?

– Получил... весьма хилое, – поник Василий.

– То-то же!

– Пока сего не знал, не было маяты, хоть и бедствовали с братом. А теперь покоя мне не видать! – сознался Василий.

Лукерья походила по горнице, поправила салфетки на ларях и уже почти спокойно произнесла:

– Нам не сразу открылись козни братца. А когда прознали, исправить было невозможно.

– Как жаль...

– Не то слово! Великое горе накликал брат на род Шуйских.

Василий Шуйский принимал сейчас на себя и укоры, и хлесткие слова. Обидные речи его не били, не ранили, они сумбурно проносились над головой, лишь задевая острыми крылами по больным местам, вызывая неприятный зуд. Он осознал явную вину отца и мог только сожалеть. Взяв сладкую коврижку, сжевал ее, не замечая, что съел.

– М-м-м... Теперь понятно от чего ссорились родители, – сознался Василий.

Тетушка Лукерья пристально взглянула на племянника, взвешивая, чью сторону он принял. Заметив на лице Василия сострадание, доверчиво продолжила:

– Так бы и нечего, мало ли кто кому отказывает! Се не диво! На нашу Авдотью нашлись бы женихи! – произнесла она сквозь слезы. – Многие достойные люди засылали выведать: «Не пошла бы она за них!» И князья, и бояре добивались... Овчина-Телепнев-Оболенский, полководец, оббивал пороги: от любви пылал. Они были дружны до знакомства с государем, и тот собирался свататься. А как появился Великий хан, Авдюша отказала полководцу. Так же и князю Пруднику, и хану Загороднему, и другим... знатным указала от ворот поворот... Сирота боярский Ивась, хоть и не добивался Авдотьи, но я видела, как он посматривал на нее.

– Кто это?

– Приемный сын князя Храмова: Игнат Ивашкин.

– А-а-а... Игната знаю.

– Мы не раз нанимали его дружину по охранным делам. Ох, удалцы-парни! Как слышат поганые да воры, что Ивась с летучей дружиной на подходе, тут же уносили ноги! – оживилась Лукерья. – Я примечала, что Ивашкин не равнодушен к дочери: дюжий богатырь всякий раз терялся и краснел перед ней. Но ни намека... Сознавая свое положение, не набивался в женихи.

– Тетушка, Игнат не завидный жених!

– Не скажи! Хоть Ивась и не имел своей вотчины, зато я выбрала бы его из всех. И умом, и силой, и благородством всех обошел! А по нынешним озорным временам иметь хорошую дружину, так не надоть и лишних уделов! Свои бы сохранить! – рассудительно отметила она. Но взглянув на племянника, колко подчеркнула:

– Само собой, лучше всех был Великий хан Василий!

Спыхватившись, тетушка позвонила в колокольчик. Вошел прислужник и проворно принялся убирать со стола лишнее. Слуги принесли заедки и сладости, налили в кружки морс, ушли. А Василий Шуйский все прокручивал в голове услышанное: «Сущее потрясение! Были бы нынче родней Великого хана, оказались бы первыми людьми! И что была бы за жизнь!? Упое-е-ение!» – терзался он. И чтобы как-то оторваться от ошеломления, спросил первое, что пришло в голову:

– Тетушка, а как... кухня все перенесла?

– Ах, Авдюша... – всплакнула Лукерья. – У нее не просто сложилось... с Великим ханом! К тому времени у них случились серьезные отношения, и она от него понесла. Да по неопытности сама не ведала того. Узнав об отказе, об его женитьбе на княгине Елене, переволновалась и скинула ребенка, о котором Великий хан Василий и не догадывался. После того Авдюша сильно захворала...

– Тетушка, так нужно было сразу оповестить хана! Кто бы отказался от младенца, которого сколько лет ждал!? – взревел Василий.

– Как знать... Нужно? Нет? После наговоров твоего отца Великий хан обвинил бы Авдотью в измене! – сокрушалась Лукерья.

На тетушку вновь нахлынули воспоминания, и ее лицо исказилось от глухих рыданий.

– Дорогая... тетя, вы... помалу, не убивайтесь... так.

– Ой, Васенька, теперь уж... все одно, радости не видать.

– Обидно-то как! Некстати случилась размолвка... – буквально простонал Василий. Вновь и вновь Шуйский возвращался к мысли, что он мог войти в круг Великого хана.

– После разрыва с государем у нас дома такое началось – страшно вспомнить! – просипела Лукерья. – Авдотья изо дня в день белугой ревела. А мой муж вдруг пошел в защиту твоего

батюшки. Принялся доказывать, что это все княжна Елена подстроила! Что она вскружила голову хану Василию! Твердит и все: токмо литовка во всем виновна, нечего винить брата!

– Тетушка, дорогая, возможно дядя был прав! — удрученный Василий ухватился за эту мысль.

– Раздор меж молодыми начался до литовки, – не согласилась Лукерья.

– Спорить не буду...

– Опосля того, Васенька, у нас одно за другим покатилося... Пережив потрясение, дорогой мой муженек свалился; хватануло его – не разогнуться! Поползал, побряхтел – долго не жил после того. Ушел... Одна беда не ходит. **(Весть).**

Тетушка Лукерья не голосила, не рыдала. Слезы живым потоком лились по ее щекам, и она не успевала их вытирать. Платок стал мокрым, хоть отжимай. Она его выбросила. Сдернула кружевную салфетку из ларя.

– Выходит, родители скрывали от нас с братом... правду, – изумленно пролепетал Василий Шуйский.

Лукерья поднялась, прошлась по горнице, плеснула воды в лицо, старательно вытерлась льняным полотенцем. И уже вовсе спокойным голосом произнесла:

– Ох! Каким же твердолобым ослом оказался твой батька! – осуждая, покачала она головой. – Не уразумел, что сия женитьба сыграла бы на руку всему роду Шуйских! Все были бы в выигрыше: и племянники, и дети, и внуки... Стали бы настоящими ханами, а не токмо по бумагам, – с сожалением воскликнула она.

– Да се в голове не укладывается! Что нашло на батюшку? Отчего забаламутил?!

– Трудно сказать.

Тетка Лукерья села на мягкую кушетку, укуталась вязаным платком и от того показалась Василию добродушной и вовсе близкой. Однако эта близость мигом улетучилась, когда она обратилась к нему. Лукерья скользнула взглядом по лицу племянника и, словно оправдываясь, быстро заговорила:

– Василь, вот потому-то дед Шуйский расвирипел и наказал твоего батюшку, а дед был лют! А как по-другому?! Не гневаться? – польхнула Лукерья.

– Я уже ничего не знаю, – с навернувшимися слезами проронил Василий. – Я не ожидал такого от отца. – потрясенно выдавил он. – Вся жизнь пришла к краху...

– Да кто ожидал? Оказавшись глупым бараном, брат на всю Московию чудес накуролесил: долгонько не утихали толки!

Василий Шуйский понимал, что разговор окончен и ему следовало удалиться, чтобы гнев тетки не переметнулся на него. Он поискал повод откланяться, пока не нашел. Самое простое: решил продолжить трапезу. Так и сделал.

– А как дальше сложилось у кузины? – спросил, между прочим, зная ответ наверняка.

– С дочкой-то? – тяжело вздохнула Лукерья. – Известно. Авдотья не смогла перенести горя и отправилась в монастырь. **(Весть).**

– Нашла успокоение душе...

– Ивась с отрядом сопровождал ее до места и долго отговаривал от такого решения, а она уперлась – ни в какую!

«Чего батюшка впутался?» – поохал Василий, вдруг принявшись уплетать крохотные вкусняшки-варенички. От потрясения у него прорезался зверский аппетит.

– Как слепота нашла на брата: пошел вразрез с выгодой всей семьи! Все хлебнули... И я теперь лишена и мужа, и дочери, и внуков, и радости жизни...

– И мы с братом... всего лишены: обделенные! – не удержавшись, выпалил Шуйский и умолк.

Василий переполнился горькими событиями родни, повлекшими за собой раздор Шуйских, до такой степени, что ему стало не по себе. Он вспомнил свое нищенское прозябание, когда приходилось экономить на всем. Ему, родовитому, приходилось с трудом выкраивать средства на наряды и даже на пищу, постоянно беря займы у ростовщиков и купцов! Экая подковырка над натурой! Он откровенно, почти до слез, стал жалеть себя.

Шуйский попытался представить ситуацию иначе: себя на одной ступени с Великим ханом Василием – в почитании, в сытости, в довольстве, в роскоши! Невольно крикнув, зажмурился. Василию Шуйскому стало невыносимо жарко: пот выступил крупными каплями по лбу.

– Осознал?! – обратилась к нему тетушка, прочтя по лицу племянника душевный переполох.

Василий грустно вздохнул. И вдруг разгневался, не желая отпускать от себя сытую роскошную жизнь! Рубанув кулаком по столу, взревел:

– Какой то бред! Тетушка, коль у хана с кузиной все было полюбовно, отчего он впопыхах женился? Не разобрался, а сразу уверовал в ее порочный нрав?

Лукерья задумалась.

– Трудно сказать. Сие мне тоже не дает покоя, – грустно проронила несчастная женщина.

– Взрослый человек, а поступок юнца!

– Я так не думаю. Пожалуй, причиной разлада стала разница в их возрасте. Похоже, государь подумал, что дева собралась за него не по любви, а ради своекорыстия! А Авдюшка, знаю, полюбила Великого хана.

Однако дело было в другом. Лукерье самой и никому иному не ведомо было, что братец Василий постарался на славу: он разыскал в глухой деревушке деда ворожея-колдуна, заплатив ему достойно. И тот предпринял страшные заклятия на разрыв влюбленных, зачаровав государя Василия, отвернув его от Авдотьи. **(Весь).**

Выкричавшись и выплакавшись, Лукерья и Василий Шуйский почувствовали доверие один к другому. Неуловимая сила восстановила порушенные родственные связи.

– Уж не помню, сколько прошло времени, Великий хан все же явился к нам. Помню, встревожен был чем-то. Спросил Авдотью. Я без утайки поведала обо всем, хоть дочь не велела.

– И что сказывал хан?

– Ничего. Выслушал молча. Только лицом почернел, – не привычно по-матерински тепло заговорила Лукерья. – На Великого хана было страшно глядеть. По правде сказать, я испугалась за него.

– Нашли, кого жалеть!

– Как не пожалеть? Почти свой... Я к нему как к сыну прикипела. А он так разволновался, так разволновался: губы задрожали, на глаза слезы навернулись. Вдруг мешочек золота достал, хотел вручить... Токмо я отказалась.

– Так взяли-бы золото, не лишнее!

– Не до золота было, – махнула рукой Лукерья. – Я, разгневавшись, выплеснула государю, что ни за какие богатства мира не смогу купить внука и не возвращу порушенную судьбу дочери! Потом хан резко поднялся, неловко простился...

– Ты гляди, каковы дела... – сожалея, проронил Василий Шуйский, принявшись курсировать по горнице. Вдруг остановившись, повернул пылающее лицо к Лукерье. – Поди, не случись литовки, так и помирились бы... они с кузиной!

Лукерья кивнула головой.

– А что? Помирились бы, – согласилась она. – Сказывали дьяки, Великий хан добивался встречи с Авдюшей в монастыре.

– И что?!

– Встретились. Да разве на пожарище поднимешь дом? Поговорили. Да токмо горечи друг другу добавили.

Шуйскому стали понятны намерения тетушки в отношении землевладения, и он сокрушенно вздохнул, понимая, что ее решение по наследству единственно верное.

По растерянному взгляду племянника и по его суетливым движениям Лукерья поняла о терзаниях Василия.

– Вася, ты же помнишь, как справно и ладно мы жили! – не унималась Лукерья. – Ничего не предвещало беды! Я думала, так и доживем с мужем в ладу до старости, наставляя внучков! И вдруг, как ураган в дом ворвался: все расшвырял... Нет семьи! Ничего нет! Как я еще живу, небо копчу?! Сорюсь с челядинами, с дворовыми – хоть какое-то утешение! – выплакавшись, пожаловалась тетка, смахнув набежавшую слезинку.

– И то! Чего еще можно хотеть от жизни?! – согласился Шуйский, сострадавая тетке, а больше себе лично. – Понимаю. Ничем не могу помочь.

Шуйский решил, что пришло время уходить, и он поднялся раскланяться, старательно вытирая рушником лицо и руки.

– Ты-то?! – вдруг всколыхнулась тетка. – Можешь! Ты можешь помочь!

Василий Шуйский с удивлением взглянул на нее.

– Чем? Гуторьте.

– Мести хочу!! – пылко загорелась она.

– Нужно простить, тетушка! Авось, Господь сам...

Шуйский поспешно направился из трапезной. Лукерья его догнала. Остановила, резко ухватив за руку.

– Вася, Вася, о чем ты?! Невыносимо... ждать, пока Господь... громыхнет! Хочу своей рукой... покарать! – гневно выкрикнула несчастная женщина.

– Се грех. Дорогая тетушка, нельзя озлобляться.

– Все купаемся в грехах! А если там, – она указала на грудь, – уже ничего не осталось, кроме жажды мести? Чем жить? – она спрашивала у него ввалившимися глазами: лютыми в ненависти, жадными и настырными.

Василий мягко отстранился, снимая руку тетки с плеча.

– Тетушка, не отчаивайтесь!

– Молчи, молчи, дружок! Удружи! – горячо зашептала Лукерья. – Коль успокоил бы ты меня мщением, я бы большую часть вотчины отписала вам с Иваном!

Василий Шуйский опешил. Чего-чего, а в роли мстителя он себя не представлял.

– Вы о чем, те-е-е-етушка?! – запнувшись и напустив на себя вид не понимающего человека, строго спросил он.

– Все ты понимаешь, голубчик, да токмо юлишь! – насмешливо бросила она. – Обещаюсь, отпишу землю. Мое слово крепко! – твердо произнесла тетка. – В монастырь довольно небольшой части.

Лукерья придвинулась к Василию ближе и уставилась ему в глаза, горя дикой злобой и ненавистью, зашипев по-змеиному:

– Одного желаю: сжить Великого хана и ханшу Елену со свету! Помоги в этом! – настойчиво умоляла она.

У Василия Шуйского внутри судорожно затрепетало сердечко, и он ощутил неприятный холодок, страх, сдавивший грудь. Тетушка ждала его согласия, а он молчал. Василий хотел бы заполучить наследство, не ввязываясь в то, о чем просила Лукерья. Это было страшно.

И он потопал до двери, готовый дать стрекоча из терема. Шуйский так бы и поступил, но его настоящая нищенская жизнь притянула камнем. Тетка резво догнала, став на проеме

двери, закрыла выход. Лукерья не отрывала глаз от племянника, вцепившись, словно паук в жертву.

И Шуйский вдруг почувствовал, что его добро-порядочный настрой тает, улетучивается, подчиняясь чужой властной воле.

– Подумай, племянник. Я не тороплю, – жестко бросила она. – Но выждать не намерена! – поджав губы, Лукерья стала холодной и непроницаемой.

Шуйский растерялся. Врожденная порядочность, хотя и сильно заглушенная, не позволяла злодеяния. Но вкрадчивый голос увещевал, что Великий хан, не разобравшись по чести, поступил с Авдотьей непорядочно и достоин наказания.

«Должен же кто-то постоять за знатный род Шуйских-Руриковичей!» – разом нахлынули на Василия витиеватые мысли.

Меж тем Лукерья подхватила под руку податливого племянника и возвратила в трапезную. Усадила. Поднесла медовухи. О чем-то заговорила, кажется о хозяйских делах. Василий ее не слышал, он думал о своем.

И помимо его воли обольстительное добро уже повалило в дом, подталкивая к кровавому поступку, и в воспаленном мозгу мелькнуло: «А ить заманчиво! Гляди, поднялись бы с братцем... Побарствовали бы Шуйские!»

Постепенно чувство мести обволокло Василия Васильевича Шуйского и потянуло за собой. Василий не корил отца, он не мог его осуждать. Виновными в возникшем раздоре он считал государя Василия и ханшу Елену, случайно оказавшуюся на месте, предназначенном для Авдотьи.

«Мсть! Мсть за кухню, за батюшку! (Что-то же отца подтолкнуло!) Мстить! Но совершить мщение не своими руками... Чужими... Тогда не так страшно... Чьими руками?!» – наседали мысли.

Василий стал искать... Не прошло и полчаса, как Василий Шуйский запылал яркой мстью. Он вдруг воспрял, словно нашел драгоценный клад. Наплывало тревогой: как же осуществить то страшное дело, как свалить государя, чтобы никто не прознал? Лукерья наблюдала за племянником, отмечая по его лицу перемену настроения.

– Что скажешь, Васенька? – донеслось до слуха Василия.

– Тету-у-уш... ка, я бы рад... исполнить, – промямлил Шуйский, запинаясь. – Не могу доду-у-у... маться, как сие...?

– Помогу! – живо отозвалась Лукерья. – Токмо гляди, голубчик, о нашем стоворе молчок! – коварной змеей угрожающе зашипела она. – О сем деле никто не должен знать, даже твой брат Иван! Иначе отменю землю, – шепнула тихо, вперившись клещами племяннику в плутовато-забегавшие глаза, окончательно подминая его сомнения.

– Договорились, – смиренно произнес он, вдруг оробев.

Шуйского вдруг охватил жуткий страх, выразившийся в ознобе, и захотелось закричать на тетку. Возможно, даже наругать! Но язык онемел. Плечи сами собой поникли, а ноги стали чугунными.

Лукерья подошла к шкафу, оглядела полки. Порыскав меж горшочками, выискала склянку с засушенной травой. **(Весь).**

Василий Шуйский вдруг стал мокрым, как мышь. Он торопливо вытер рукавом рубахи взмокший лоб. «Вот ить, попал в переделку!» – разволновался Василий и ему показался обыденный голос тетушки даже неуместным:

– Се нужно добавить в пищу.

Лукерья протянула племяннику склянку. Тот взял ее дрожащими руками, опасаясь, что выскользнет, с внутренним содроганием взглянул на содержимое.

– Оно не оставляет следов и не имеет против сего средств на поправку, – пояснила Лукерья.

Затем выискала на полке коробочку, убрала склянку в нее. Достав мешочек из передничка, засыпала склянку золотыми монетами.

– Отомсти за дочь! – переполнившись дикой злобой, произнесла Лукерья горячо. – Отомсти за род Шуйских!

Ослепленная местью Лукерья не знала, что ею было начато лихолетье на Руси: смута. Лукерья Шуйская не ведала, что завершится смута только через семьдесят лет.

Да. Так и случилось: подталкиваемая местью женщины, в декабре 1533-го года на Руси началась смута. (Весь).

Добравшись до Первопрестольной, Василий Шуйский решил поостеречься. И заехав к ювелиру, купил за две золотые монеты точно такие же украшения, какие вручил тетушке Лукерье.

«Скажу Дарье не ездил к тетке, – решил он. – А то зачнет донимать расспросами. Не дай Бог, ненароком сболтну чего!

А она бабьим языком тут же отнесет Ивановой жене! А та Ивану! Все дело порушат!»

Дома на виду у Дарьи, как можно равнодушной, убрал ожерелье в шкатулку.

– Осечка... Не добрался ныне до тетушки Лукерьи, – позевывая, проямлил Василий. – Колесо на карете... подвело... Карету-то взял... рухлядь. Отложил поездку. Вдругораз соберусь.

Но Дарья была во вред себе слишком проницательной. Она заметила, что цвет упаковочной коробочки вовсе не тот! И как только Василий вышел из горницы и вскорости захрапел в опочивальне, она бросилась до Божницы.

Исследовав коробочку и ожерелье, она убедилась в своей догадке: «Так и есть! Это не мой браслет! Васенька повидал тетушку. А коль таит встречу, выгорит наше дело!! Нужно дожидаться приятных вестей!»

И Дарья стала внимательно наблюдать за мужем, прислушиваясь к его разговорам с дворовыми и с братом Иваном.

ВЗБУЧКА

И вскоре после посещения Василием Шуйским тетушки Лукерьи жизнь в Московском государстве, можно сказать, сошла с накатанной колеи.

Но перед теми печальными днями, когда вдруг Великий хан Василий свалился, младший из братьев Шуйских – Василий Васильевич – изрядно поколотил клюкой своего старшего брата Ивана Васильевича (и се тоже никому не стало ведомо).

Отправив Дарью Алексеевну и жену Ивана – Акулину Марковну с детьми в храм (вдруг разговор с Иваном получится шумным, а он оказался более чем шумным!), молодец учинил настоящее рукоприкладство, добиваясь согласия брата Ивана на злодеяние.

Старший – Иван Шуйский – знал, что младший братец по натуре был интриганом и сумасбродным политиканом. Но то, что он вздумал, в сей раз, не укладывалось в голове: отравить Великого хана Василия! Как могло такое взбрести в голову?! Се великий грех! И Иван принялся всячески отнекиваться. Тем самым напросился на взбучку.

Старший Шуйский, хоть и удался ростом, был изрядно труслив. По натуре же был прижимист, прожорлив и безумно недоверчив.

Он имел внушительный торс, венчающийся крупной головой с завитыми прядями и большие как у смерда руки. Однако это не помешало младшему «отходить» старшего так, что Иван Шуйский после той взбучки долго маялся и охал, жалуюсь на боли в боках.

– Тьфу, на тебя, Василь! Чаго вздумал!? Выбрось из головы! – уперся Иван.

– Выбросить? Ишь, каков! А кто накормит твой «муравейник»? – не на шутку разбушевался Василий. – Не ровен час будем сидеть на одном хлебушке!

– Пусть на хлебушке! Ни за что не пойду на потраву! – не соглашался Иван.

Василий рассвирепел. Скольких терзаний стоило ему выстроить «дельце» шаг за шагом и уже все казалось выверенным и «спеченным»! И вдруг препон!

Василию Шуйскому попала на глаза стоявшая в уголке массивная клюка деда, и он в гневе ухватился за нее и жажнул брата по спине.

– У-у-у-х! Вот тебе за «не пойду»! – на выдохе рывкнул он.

От сильного удара Иван невольно согнулся, но тут же предусмотрительно отбежал.

– Ей-ей! Василь! Аль, сбесился?

– Хочешь иметь чистые ручки за мой счет?! Не выйдет! Твои чада, поди, обожают сытенькое! Всякораз норовите отобедать из моих горшков! – упрекал Василий брата.

– Так что с того!? Аль, не чужаки!

– Нахлебники! Вы уже достали меня! – ругнулся Василий и вновь шмякнул клюкой.

– Василь, больно! Оставь! Что нашло на тебя?!

– Подперло! Скучная жизнь подперла! Соглашайся!

– Вздор баешь! – разозлился Иван. – Марш на улицу, освежись! Поди, выскочит дурь из головы!

– Ах ты, святоша!

Во дворе загомонили. Василий ринулся до окна, опасаясь, что некстати возвратились, раньше времени, домочадцы из храма. К счастью это дворовые затеяли перебранку. Подстегнутый мыслью о нежелательных свидетелях, Василий Васильевич занервничал.

«Вскорости возвратятся! Поди, потом не скоро случится им отлучка из дома! Так и дело расстроится!» – растревожился Шуйский. Рассвирепев, он налетел с клюкой на брата и принялся хлестать его по бокам да по плечам – где придется. И еще! И еще раз! И еще!

– Иван, соглашайся! Не то, вот тебе! Вот тебе!

– Вася, ты чего? Чего его? Прекрати! – закрывался Иван руками и даже попытался перехватить клюку. Да куда там! В руках Василия клюка стала жгучим кнутом.

– Гад! Нерадивый! Ни к чему нет рвения! – орал Василий.

– Вася, оставь!

– Иван, доброе дело сделаешь! Для Шуйских!

– Хоть что! Не могу! Ну, хватъ! Ей-Богу, больно!

– Не хватит, Иван! И сам полакомиться не против! – огревая старшего клюкой, громыхал младший.

– Вася, прошу, уймись! Не трону твоего! Аль, сдурел?! – защищаясь и закрываясь, Иван вертелся под клюкой, подставляя тем самым то один бок, то другой.

Лицо Ивана закровило: из носа потекла кровь, ложась струйками на одежду. Вот досада! Иван поспешно ухватил потертый рушник, висевший на крючке, прикрыл им лицо. Видя, что Василий настроен неотступно, Иван ринулся стремглав из горницы, но младший перекрыл ему ход. Шмыгая носом, Иван отступил, в глазах замельтешило. Василий загнал брата в угол и, не отступая, продолжал безжалостно колотить.

– Пожалуйста, не бей! – упрашивал Иван. – Ой-ей!! Худо мне! Не бей! – забившись в угол, пряча голову, охал и повизгивал старший.

– Согласись, оставлю! – гневно и увесисто шлепал Василий брата клюкой.

– Боюсь я! Как таки... этакое... зло сотворить! Грех! – трясся Иван.

– Грех? А ты не грешил? – гневно навис над братом Василий Шуйский. – Аль забыл? Чтобы принарядить своих девчат перед Свят днем, отобрал коровенку у вдовы! Оставил на голод женщину с пятью детьми! Считаешь се не грех?! Ить, пекся о своих детушках!

– Стыдишь? У меня не было выбора! – возопил Иван. – Как прижмет нужда, так не думаешь: грех, не грех... Вася, на весь мир не спечешь блин!

– Ваня, и я о том же! Радей о семье!

– Ночами не сплю! – запричитал Иван. – Только и дум: девы на выданье, а за душой ни гроша!

– Дубина этакая, добро само идет в руки!

– То добро не по мне, – уперся Иван. – Вася, придумай другое дело! Сделаю! А се отставь!

– Достал ужо, правдовер! – озлобился Василий, крепко ухватив клюку. Размахнувшись, младший огрел старшего по голове так, что та задзинькала, вызвав в глазах Ивана мельтешение.

– А-а-а-а... – завопил тот, рухнув на пол. Поморгав глазами, протянул: – Вася, худо! Ой, худо... мне!!

Особо не жалея брата, Василий все же наклонился к Ивану и приподнял ему веки.

– Ничего, оклимаешься! – невозмутимо изрек Василий, понаблюдав за братом.

– Ва-а-ася, с чего тебя... подмывает? Оставь затею, – простонал Иван. – На ляд он тебе сдался!

– Коли не нужен был – не трогал бы!

Заметив, что брат в порядке, Василий заявил пристрастно: – Ванька, имей в виду, не отступлю!

– Уймись... прошу...

– Золотишко любишь!? И ноне получил золотой! – гневливо воскликнул младший и стибнул лежачего брата по боку.

Иван пополз на четвереньках за сундук.

– Не могу! Не пойду на этакое, – упрямо бубнил он.

– Иван, не отступлюсь! Буду колотить, пока не согласишься!

– Вася, а коль пр... пр... про... знают!? – белугой взревел Иван. – Поса... дят! Ей-ей! Ей Богу, посадят!

– Хм! Прознают, что с того? – грубо осадил его Василий и вновь шлеп, шлеп. – Дело будет... сделано! Хана Василия... не будет! – не унимался младший. – А нам привалит добро: деньжи-и-ищи и власть! – настырно убеждал младший Шуйский, не переставая огревать брата.

- А отколь они возьмутся – гроши-то?! Не бей, Василь! Да больно же!
 - Найдутся! А с денежками... ничего не страшно! Дам тебе ишо два золотых! Соглашайся, – не отступал младший.
 - Да погоди ты, Вася! Ой-ей! Уймись, – взмолился Иван.
 - Согла-а-а-ша-а-айся! – рассвирепел Василий.
 - Хорошо! Согласен! Токмо не колоти!
- Младший отбросил в сторону дедову клюку и вздохнул с облегчением:
- Полдела сделано!
 - В голове мельтешение... – канючил Иван. – Ног-рук не чую...
 - О-о-о! Надоть было... не перечить! – брякнул Василий. Вытерев потный лоб и распахнув взопревший кафтан, прохрипел: – Не подозревал, братец, что у тебя этакая трусливая душонка!
 - Хвать молоть языком! – охая, раздраженно крикнул Иван. – Ой-ей! Ой-ей! Помоги подняться! О-ох-ох! Все косточки болят!
- Болезненно охая, Иван примостился на край сундука.
- Сказывай, чаво делать.

ВЕЛИКИЙ ОТЕЦ ОТРАВЛЕН

Чуть рассвет коснулся Велико-ханских окон, схваченных крепким морозцем, и стал тускло проникать сквозь изразцовую слюду в хоромы дивными скользящими отсветами, а вся челядь и дворовые люди были уже давно на ногах, а другие и вовсе не сомкнули глаз за ночь.

И целехонький день в тереме было беспокойно и суматошно: по горницам спешно носились стремянные и дворецкие со срочными поручениями, туда-сюда сновали холопы; в Кремль въезжали озабоченные родичи и приближенные к государю люди: родовитые ханы и князья, толпились дородные бояре...

Слуги торопились встретить гостей, провести в терем, а кто прибыл в своей карете, определить на постой экипаж и коней.

Любимые детушки государя Василия: Ванюша и Юрик рано почували беду. И в детской горнице «мамки» из челяди не справлялись ноне с крохами – трехлетним Иваном Васильевичем и только перешагнувшим первый годок Юрием Васильевичем.

Ванечка хныкал всю ночь, ворочаясь и вскрикивая, словно у него что-то саднило внутри.
– А-а-а-а! А-а-а-а! – раздавалось всю ночь.

К утру вся его постель была скомкана и сбита в ком, а сам он жалобно хныкал, отворачиваясь от угощений и воды. Капризничал невыносимо! Для мамки Агаши это было дивно: ведь прежде за ханычем такого не наблюдалось, даже когда лезли зубки! Похныкав, Ванюша поднял непрекращающийся рев.

– Иван Васильевич! Негоже так себя вести! – увещала мамка Агафья, полногрудая, милостивая женщина. – Ну-ка, Ванюша, сделаем потягушки!

Но Ваня, раздергав ножками, скривил миленькое личико и из глаз выкатились бусинки-слезинки.

– Дитяtko милое, экая хандра сошла на тебя? – поражалась «мамка».

Выхаживая малютку от рождения, Агаша привязалась к Ванечке, как к кровному ребенку. Она была сердобольной русской женщиной, трудолюбивой и искренней. У нее в руках горело любое дело.

Агафья не доверяла челядинам убирать детскую горницу и потому сама усердно отдраивала половицы, стирала Ванюше крохотные одежки. Управившись с делами, рукодельничала, изобретая для Вани незамысловатые игрушки из лозы или бересты.

А то просила дворовых парней вырезать сопилочку или свисток мальчику. И когда Ванюша осваивал новую затею, Агаша счастливо умилялась на разумненького ханыча.

Нынешняя хандра мальчика привела мамку-Агафью в растерянность:

– Аль на погоду? Аль сглаз у дитя?

Поразмыслив, она спохватилась:

– Матерь Божья! Нужно окропить дитяtko святой водицей! – захлопотала Агаша.

– Лучше «трезвонной»! – подсказала подоспевшая мамка ханыча Юрия: Любушка. Она прибыла из Сергиева Посада, была богомольна и сведуща во всех святых делах.

– Мой-то Юрко, спаси Господи, подобно твоему гомозился до зорьки! – поделилась она. – Прибегла за водицей! За образами стоят пяток склянок, в них «трезвонная» водичка!

Перекрестившись, Любаша трепетно взяла за иконкой склянку и проворно посеменила в опочивальню Юрика.

По народному поверью вода, взятая из трех храмов, чтобы звон колокола одной церкви не долетал до другой и слитая воедино, обладала силой врачевать разные хвори. Обязательным условием «трезвонной водицы» было: весь путь туда-обратно проделывать молча.

Агаша прочла молитву. Набожно взяв склянку, внимательно осмотрела прозрачную как слеза водицу.

– Уже три года стоит вода и хоть бы хны! – поразилась она.

Перекрестившись, пошептав заговор, с верой окропила Ваню водой. Затем поднесла Ванюше к губкам иконку, дав поцеловать. Чмокнул. Вытер глазенки.

– Помогло! – расцвела мамка-челядина. Протянула ребенку склянку с водой – испил маленько.

– Ну и, слава Богу! – обрадовалась она, принявшись тут же пичкать крошку полбенной (из особого сорта пшеницы) кашей, но тот от еды отказался.

– Впрямь напасть на чадо! – пробубнила озабоченная Агафья.

Розовощекий Иван Васильевич не хворал (слава Богу!) и рос резвым крепышом. И в основном позволял мамке Агаше высыпаться ночами.

Обычно Ванюша просыпался радужным и сияющим как солнышко. С аппетитом съедал поднесенное кушанье и принимался шлепать босиком по мягким шкурам и домотканым коврам. Бегал проворно, часто натываясь на мебель и роняя разные предметы! А то и проскальзывал незаметно за порог, скрываясь в неизвестном направлении. Тем приводил мамок и слуг в неистовство.

Малыш был на редкость говорлив: ни на минуту не закрывал рта от лепета. По голосочку его и обнаруживали. Случалось, измотав округу, слуги обнаруживали ханыча в конюшне, спокойно посапывающего в яслях с зерном. А то выискивали в курятнике, где он, разогнав пернатых, клацал яйцами по стенам.

Обувь не переносил на дух! Специально изготовленные для его крошечных ножек сапожки моментально стягивал и зашвыривал в такие места, откуда «мамке» удавалось выудить их с большим трудом.

Да и Юрий не отличался норовом: рос улыбчивым и здоровеньким мальчиком, чем не мог ни порадовать Великого хана Василия, обожавшего своих чад.

Не было такого дня (не считая военных походов), когда бы государь ни захаживал в детскую горницу убедиться в благополучии детей. Заслышав издали голос «тятки», Ванюшка отбрасывал любые занятия и мчался навстречу. Оказавшись в объятиях батюшки, ребенок взлетал верх, подброшенный сильными руками.

– Ух! Ух, сынка! Дивно! – восклицал счастливый батюшка.

Отец любовно прижимал сыночка к себе. Ваня обнимал пухлыми ручонками отца за крепкую шею, прижимаясь к мягкой шелковой бородке. И принимался хлопать мягкими ладошками батюшку по лицу, требуя повторения «полета»:

– Тятка! Тятка! Ух! Ух! – привязчиво и нетерпеливо лепетал малыш.

Оказавшись в воздухе, ребенок заливался радостно-звенящим щебетом, радуя следившую за ним мамку Агашу:

– Ох уж, батюшкин любимец! Пригож малец! Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!

– Оба любимцы! – отвечал счастливо-зардевшийся государь, получивший детей в зрелом возрасте.

Позабавив Ванюшу, государь брал на руки Юрика, легонько подбрасывая и его. Юра пугался, тараща глазенки на отца, кривился заплакать и тут же скрывался в руках мамки Любушки.

А то Великий хан Василий ложился на пол, на мягкие медвежьи шкуры, и возил детей на себе, изображая лошадку.

Наигравшись, поднимал сынишек на руки, усаживая одного на одну руку, второго брал на вторую. И отправлялся с детьми в приемные хоромы, откуда его такого – вздохмаченного и красного – с шумом выпроваживала ханша Елена.

Тогда государь звонко целовал сыновей в мягкие, как лепестки роз, щечки и возвращал «мамкам».

Иногда государь Василий вывозил Ваню на статном жеребце на прогулку, уместив сынка на овчинном чепраке. Оказавшись высоко над землей, Ванюшка с невероятным восторгом шлепал-прихлопывал детскими ладошками коня по спине. Затем малыш цеплялся за гриву коня так, что не оторвать рученок.

Жеребец вертел головой, угадывая чутьем ценный груз, и скакал мягко, уменьшая тряску. Колочий ветер хлестал ханычу в лицо, щекоча ноздри и задувая глаза ребенку.

– Жиг! Жиг! Ай-яй! Ай-яй! Ух! – прищуривал он глаза.

И все же крохе удавалось уловить мелькавшие по сторонам дороги высоченные деревья и грозную летучую дружину из могучих витязей-богатырей, несущуюся за ними.

Многое стерлось, ушло в небытие из детской памяти Ивана Васильевича, словно это было в другой неизвестной жизни, но конные прогулки с батюшкой Великим ханом Василием Иоанновичем навечно врезались в сознание ребенка.

И когда уже государя Василия не стало, Ванюше удалось сбереечь память об отце, втайне от всего мира, благодаря этим прогулкам.

Эти дивные скачки часто навивались государю Иоанну уже во взрослой жизни ощущением сказочно-богатырской силы отца и его надежной дружины. В дни невзгод конные прогулки с отцом наплывали родным щемящим чувством, придавая силы и укрепляя, вызывая теплую душевную волну благодарности и боли – одновременно.

Конные прогулки остались для Иоанна Васильевича откровением высочайшей истины, стабильности государства, русской мощи, ощущением счастья и безмятежности бытия, упрямого глубоко внутри. Это единственное он трепетно хранил в закромах души, оно оставалось неутраченным навечно. Это было ощущение живого отца...

Но это было значительно позже, а сегодня в Кремль наплыла, захлестнув людей, тревога.

Нынче в ночь вертелся и ханыч Юрий, не позволяя вздремнуть мамке Любушке ни на часок.

– Зубок лезет! – решила Любушка и напоила младенца травяной настойкой, чтобы он уgomонился. Однако Юрий Васильевич уселся на постель, вытараща глазенки на няньку, и не сомкнул их до утра. И чего уж нянька не предпринимала – нет сна у дитяти!

– Хм! Эка неугомонность! – ворчала, позевывая «мамка» Любушка. – Этак свалишься с тобой за день, не спавши!

В тот день обе «мамки» не могли уладиться с детьми.

Кремлевский двор от разноцветных нарядов ханов, князей и бояр уже напоминал пеструю сутолоку на ярмарке или Гостинном Дворе.

Выбравшись из карет, сосредоточенные гости, разодетые в шубы из ценных мехов, добротные кожухи, покрытые византийскими золочеными тканями с кружевом, украшенными камнями, в высоких меховых шапках или боярках поспешали в Велико-ханские хоромы...

Другие выезжали из Кремля, направляясь с новостями по Первопрестольной.

В хоромах по горницам и светелкам, небрежно оставив шубы на лавках, знатные гости гомонились, сгрудившись по несколько человек, приглушенно обсуждая новости. Челядь неустанно разносила на подносах напитки и закуски.

В просторном холле, чисто выбеленном, со слюдяными цветными оконцами, как раз перед опочивальней государя, собрались ближайшие родичи и приближенные люди (человек до тридцати).

Это помещение служило приемной горницей, и было уставлено широкими лавками и резными ларями, накрытыми домоткаными коврами и шкурами зверей. В горнице бубнящим шелестом завис тревожный говорок. Тяжелое состояние государя заставляло людей вести себя деликатно и скованно.

Сумрачно-огорченные братья Великого хана: Юрий Иоаннович и Андрей Иоаннович, выбитые из колеи его неожиданной хворью, уединившись от всех, сидели на лавке. Они изредка перекидывались словечками, выставя предположения неожиданного недуга всегда крепкого брата Василия.

Неожиданная хворь государя Василия захлестнула братьев смятением. Неотвратимо-приближающаяся беда тоскливо канючила в душах, выматывая необъяснимой тоской.

– Мало ли случалось невзгод на Руси? Вороги налетали, ненастья хлестали, поганые черными воронами кружили, но вот так гнетуще не стыла душа, – поделился Юрий Иоаннович.

– И у меня тоска рвет душу. Давит и давит... камень. – сумрачно произнес Великий хан Андрей.

– Чую, чую беду... Словно горлица неустанно бьется крылом, разливая горечь над Матушкой Русью. Кажется, уходит почва из-под ног. Бежал бы, кричал, но ни в силах помочь брату, – тревожась душой, вырвалось у Юрия Иоанновича.

Прибыли новые гости: князя Михаил Захарын и Иван Федорович Бельской. Приветливо поклонившись, чинно поздоровались, затем степенно прошли до Ивана Ивановича Оболенского и Михаила Семеновича Воронцова.

Иван Юрьевич Голицын, Михаил Тучков, Афанасий Бутурлин и несколько бояр тихо общались меж собой, шепотом пересказывая разные случаи.

Среди этого малоподвижного собрания родичей и приближенных выделялся энергичной суетливостью дядя Великой ханши Елены – Михаил Глинский. Потолкавшись среди гостей, он периодически проникал в опочивальню государя. Вскоре появлялся с озабоченным лицом, осведомляя новостями, и ускользал встречать прибывших гостей.

По Московии да и в ближайшем окружении Глинский прослыл заносчивым человеком, имея основание, что он не последнее лицо в государстве. Глинский откровенно требовал к себе уважительного отношения. Он был на виду, однако тайно общался с католическим Ватиканом.

Вероятно, если бы кто-нибудь оказался повнимательнее, несомненно, отметил бы странное поведение братьев Шуйских с мечущимися взглядами, ведущих себя как воры: то осторожно бубнивших, то невпопад говоривших, то притворно-скорбящих, то бросающих «косяки» на братьев Великого хана.

Василий Васильевич Шуйский выражал на лице чрезмерную скорбь. Тем не менее, не пропускал мимо своих ушей ни единого заинтересовавшего его словечка. А Иван Васильевич без толку топтался, тревожась и вздрагивая от всякого звука, суетливо пристраивая свои руки.

Среди разношерстного собрания Московской знати братья Шуйские выделялись горделивостью, считая себя выходцами высокого рода Руриковичей.

Да, они были Руриковичами, но только по имени: истинного духа Рурика, радателя державы, в них не проявилось. В сих мужах восторжествовала гордыня, искорежив чистоту Божьих истоков Высокого Рода.

Скрипнула дверь, зависая неприятно-продолжительным скрежетом. Все обернулись на этот звук. Из опочивальни государя, гуськом, поплыли знахари один за другим – семь человек. Знахарей поспешно собирали со всей волости.

– Как он? Есть надежда? – рванувшись до врачей, стал допытываться Великий хан Юрий Иоаннович.

Поднявшись с лавок, бояре и князя шумно задвигались, окружив лекарей нестройным собранием.

Первым знахарем оказался замысловатый с виду старик-угр из народа чудь. Старинный костюм старика, расшитый традиционной вышивкой и множеством металлических украше-

ний, навевал таинственность и загадочность. Из-под шапки старика выбивались темно-русые завитки с проседью. Глубоко посаженные спокойные глаза строго поглядывали на князей и бояр.

Угр сдержанно поклонился знатым людям, то же самое проделали другие лекари. Не тушуясь перед важным окружением, лекарь обвел родовитых гостей цепким пронзительным взглядом синих глаз.

– Ждете?! Плох Великий Отец! Черная рука ходила! – отрывисто изрек он. – Ох, горе вам! Поплачете! – пророчески бросил старик, приведя гостей в смятение. И пробившись сквозь толпу гостей, лекарь степенно удалился.

Второй лекарь, по виду мордвин или мариец, выставил иное предположение:

– Я нахожу, у Великого хана Василия разыгравши желчь! И коль она успокоится, дело пойдет на поправку! – высказался он убедительно.

– Енто точно! От желчи может быть хвороба. – предположил кто-то из гостей.

– Негоже класть льдины на лоб! Виновна желчь. – уверенно талдычил второй лекарь.

– Не выдумывайте! Не желчь разыгралась! У государя огневица! – заспорил следующий знахарь-ведун: дородный дьячок, одетый в темный строгий наряд. – Се видно по жару в теле!

– О-о-ох, завели! Кто, что говорит, а толку нетути! – с огорчением вырвалось у кого-то из знати.

– Жар ист ниht вредить! Брюшина ист вредить! – авторитетно изрек худосочно-высокий немец-врачеватель.

– А я гуторю – огневица! Чаво спор заводить!?! Огневица!

– Будя! Будя вам! Не шумите! – одернул спорщиков пожилой мужчина, одетый в грубый кафтан и рубаху из холста. Его добродушное лицо с мягкими чертами, выцветшими глазами и бровями выделялось русской древностью. Сказывали, что сей дедушка известный знахарь-травник.

Через плечо у знахаря висела дорожная торба, заполненная сушеным разнотравьем. Трава постепенно наполнила слащаво-дурманящим запахом весь холл.

– Разыгралась желчь!

– Какая желчь? Видели его язык? А веки? – лекари продолжили спор.

Травник решительно махнул рукой и возвысил голос, веля спорщикам умолкнуть.

– Угомонитесь! Послушайте меня! Отравлен Великий хан Василий. – неожиданно убедительно изрек травник, строго глянув из-под сдвинутых бровей на лекарей, а затем перевел взгляд на князей и бояр. В глазах травника и на его лице выразилась скорбь.

– В первые сутки нужно было давать настойку травы «Стоглав» в большом количестве – нутро промывать. Жар бы не поднялся и все бы обошлось. А на вторые, третьи сутки – нема толку!

– Отра-а-а-авлен?! – пошелестело по толпе.

– Не страшатся, ироды, греха! – осуждая негодяев, громогласно бросил он в толпу знати упрек. – Забывахом Бога и не...

Но его оборвал тот, кто толковал про желчь:

– Тако предположение не доказуемо! У хворого язык не...

– Кх-х... Великий хан Василий отравлен. – угрюмо отрезал травник. – Пена не перестает ийти. Тако уж намаялся страдалец...

Пробившись через скопище знатного окружения, травник направился на выход. Мордвин последовал следом, пытаясь его переубедить.

– Отче, отравление не выражено, оно... Не гоже вести таковые речи, коль... нет уверенности!

Бояре и князья невольно потянулись за лекарями.

– Знахари! Стойте! – расстревожившись, Михаил Захарьин окликнул уходящих. – Скажите, как сейчас Великий Отец? Толком ведь ничего не сказано!

Знахарь-травник остановился.

– Плох Великий Отец. То бредил, то кликал жену. К обеду полегчало, приспнул, – с неподдельным состраданием заговорил он. – А вы на что надеялись? Хоть бы ханшу Елену кликнули! – бросил травник отрывисто, словно сердился на кого-то.

– И впрямь, где Великая ханша?

– Поди, молится...

Помолчав, травник добавил:

– Ишо плакал... государь. Молча... кх-х... Слеза не высыхала...

Сказанное травником смутило многих, у некоторых повлажнели глаза.

– Службу-то правили? – встрял кто-то из бояр.

– Правили, – ответил лекарь. – И всюнощную правили, и утреннюю, и досе... читается молебен.

Потоптавшись, нескладно раскланявшись, лекари направились из приемной горницы.

– Погодьте уходить! – спохватившись, воскликнул брат государя Андрей Иоаннович.

– Кто-нибудь остался подле хворого? Аль, все ушедши?

– А то как-жа! Остался Егорий-аптекарь. Кх-х... Мы-то блюли всюнощную.

Лекари удалились. В приемной горнице стало тихо: знахари ввели людей в душевное смятение. Но вскоре гости загомонили, неподдельно сокрушаясь.

– Похоже, и впрямь государь отравлен...

– Вот горе-то!

– Как рука поднялась?! Душегубы!

– Тута не душегубство, а зверство! Как можно такое сотворить?! Великий Отец у нас не привередливый...

– Кому Василий Иоаннович не угодил?

– Скажешь, мало мерзавцев? Кому пригож, а кому и лих!

Однако Великий хан Юрий Иоаннович не впадал в уныние, он верил, что произойдет чудо. Пока Василий был жив, жила надежда, что все обойдется. «Нужно верить! Брат пересидит хворь! Случается же чудо!» – не уставая, твердил он себе.

Горе сковало душу Великому хану Андрею Иоанновичу и забило горькой птицей, требуя выплеснуться криком, эмоцией, жесткой силой. Он невольно провел рукой по груди, словно пытаясь сбросить тяжесть. Куда там! И от сдерживания кричащих чувств, в горле Андрея Иоанновича сдавило и запершило.

– Неужели потеряем брата? – опечалившись, прошептал он.

Нечувственными ногами Андрей Иоаннович поплелся к широкой лавке и тяжело сел, поникнув телом и душой. Юрий Иоаннович пошел следом.

– Э-э! Погоди горевать! Авось, обойдется! – дотронулся рукой до его плеча Юрий Иоаннович. – Даст Бог, выдюжит брат! Он всегда был крепок!

– О чем толкуешь, братец?! Я не ребенок, понимаю... И крепкого свалит отрав! – горестно заметил Андрей Иоаннович.

– Не печалуйся, брат. Нужно верить! Верой поддерживать хворого!

Братья Шуйские затерялись в скученности людей. Однако Василий Васильевич Шуйский выделился: он вдруг принялся причитать:

– Ой-ей-ей! Как жаль, как жаль Великого Отца! И за что такая участь у него?! Мы всегда почитали государя! Ах, несчастье!

– Не дай Бог, дознаются, – немymi губами шепнул всполошенный Иван Шуйский, испуганно рыская глазами по боярам и князьям.

– Молчи. – шепнул Василий Шуйский, коротко и жестко дернув Ивана за рукав. – Еще раз пикнешь... – шикнул он на брата и вновь громко запричитал: «Ему бы жить да жить еще! Вот несчастье!»

Братья Шуйские, изобразив на лицах скорбь, приняли вид кротких овечек. И все же у Ивана Шуйского терпения хватало не на долго:

– До-о-ознаются! У меня чу-у-уйка, – вновь затревожился он.

– Ну, ты, гад! – устрашающе округлив глаза, брякнул Василий, а громче принялся ско-роговоркой торочить:

– Брат, видишь, как оборачивается! Плох государь! На кого оставит Великий хан Московию? На сынка-кроху? Ох, горюшко...

Василий Шуйский поспешно скользнул глазом по сторонам – никто не глядел в их сторону, людям было не до них. У Василия Васильевича отлегло от души. Да не совсем! Брат не владел собой, приходилось держать его под контролем.

Великий хан Юрий Иоаннович Дмитровский, оглянувшись на бояр, толпящихся перед опочивальней государя, скользнул взглядом по их лицам. Приметив, что на них изредка поглядывали, стараясь подслушать, потянул брата в сторону.

– Отойдем.

Братья отошли в глубину горницы. Юрий Иоаннович тихо спросил:

– Андрей, не знаешь, как ханша Елена? Печалуется?

Андрей Иоаннович полыхнул на Юрия глазами. Осуждая невестку, отрывисто бросил:

– Токмо на людях!

– Брат, прекрати!

Андрей Иоаннович усмехнулся:

– Нынче я случайно застал Елену в трапезной, оживленно болтающую с модисткой!

– Не суди. Такого обращения требует долг. А на душе, поди, у нее «кошки скребут».

– Какие там «кошки»? – полыхнул Андрей Иоаннович. – Тама другое...

Андрей не принимал лжи и лицемерия. Он горько переживал недомогание брата и жаждал видеть в поведении невестки сердечность и участие.

– Андрей, оставь...

– Как можно? В глазах Елены сияла радость! – насупился Старицкий.

– Брат, ты не вгляделся, – настойчиво одернул его Юрий Иоаннович. Сам же был наслышан о поведении невестки, собираясь открыть все государю Василию. Однако подходящего случая не находилось.

– Вгляделся! Поверь мне! Я не обнаружил в ее глазах ни тени печали. Меня се поразило: отчего радость?!

Андрей Старицкий скривился как от зубной боли и, сумрачно взглянув на брата, гневно процедил:

– Тута такое... с Василием, а у жены сияющий вид и мысли далеки!

Юрий Иоаннович смотрел с застывшим лицом в одну точку: на дверь в опочивальню государя. Все разговоры об обыденном казались ему настолько нелепыми и лишними, что даже томили. Хотелось тишины, а Андрей распалился...

– Юра, тебе все равно? – потормошил его Андрей, отрывая Юрия Иоанновича от размышлений.

Юрий не ответил, зачем-то спросил:

– Ты гуторил с Еленой?

– Нет. Увидев меня, она спохватилась и скривила срамное лицо, пытаясь заплакать. Я видел: она просто кривилась!

– Не хотел открывать. Ходят толки...

– Что умолк? Говори!

- Забудь! Не будем про то баять.
- Гуторь! – настойчиво потребовал Андрей Иоаннович.
- Слухи ходят... Неладно ведет себя Елена. – хмурясь, обронил Юрий Иоаннович. – Сказывали, к ней частый ходок полководец Овчина-Телепнев-Оболенский.
- Хорош герой! Кабы поведать про то брату! – вспыхнул Андрей Иоаннович.
- Не вздумай!
- Хорошо.
- Андрей, гляди, не проговорись! Вовсе сгубишь Василия!
- Юра, нашел о чем тревожиться! Сейчас не до того! – сокрушенно промолвил Андрей Старицкий.
- Ты прав. Дай брату поправиться, – произнес Дмитровский, мельком взглянув на брата. И осекся, увидев, как у того загорелись надеждой глаза.
- Спрошу. Поведай, братец, не кривя душой: как думаешь, выдюжит Василий?
- Великий хан Юрий Дмитровский настойчиво отгонял от себя тревожные мысли, а они не отступали, нашептывая о надвигающихся бедах. Взглянув в напряженное лицо брата, отвел глаза. Андрей вымаливал надежду, а ее уже не осталось.
- Я наблюдал за глазами честных знахарей: они кричали о беде. Се нужно принять... И придется... – он не договорил, все было ясно.
- Не правильно это! – протестуя против обстоятельств, против судьбы, воскликнул Андрей. – Такие люди должны жить по три жизни!
- Тонкочувствующий и болезненно воспринимающий тяжелые душевные удары, Андрей сник. Он неловко уткнулся головой брату в плечо. Припав, скупно заплакал. Поспешно стал вытирать слезы расшитым платком.
- Будя! Будя! – успокаивал Великий хан Юрий Иоаннович. – Авось, смилуется Господь, случится чудо – пойдет Василий на поправку! – высказался он, а самому захотелось укрыть брата от злой судьбы, подставляя свое плечо. Да как это сделать?
- Андрей Старицкий поднял на него жгучие глаза:
- Меня терзает одно: коль не поднимется брат, кто станет править Московией? – вдруг выплеснул он то, что нечаянно возникло, преследуя неотвязно новой заботой.
- Мы с тобой присягнули ханычу Ивану... ишо в годок. Василий не раз упоминал, что государем быть токмо Ванюше! – неуверенно промолвил Юрий Иоаннович.
- Пока Иван войдет в лета, долгонько ждать! Мальцу токмо три годка минуло! – ответил Андрей Иоаннович.
- Нехай Ванюша растет. Груз правления придется взвалить на плечи кому-то из нас: тебе или мне, рассудил Юрий Иоаннович.
- Пожалуй. Сице будет правильно.
- Великому хану Андрею Старицкому не хотелось верить в то, что неумолимо приближалось. Однако тревога за всю Россию вдруг охватила душу пламенем: «Как Матушке России остаться без Великого надежного Отца!?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.